

СМЕНА



20

ОКТЯБРЬ
1932 г.



издание
"Комсомольской
правды"

ОКТАБРЬСКИЕ фильмы о КОМСОМОЛЕ



Андрей Т. Чернышев у комсомольцев вводу
«Электросила» (Л.ШЕ.)



Надр «в фильмах «Комсомола»



Удвояница Магнитогорск («Комсомола»)

Советские киноорганизации немногими фильмами отмечают 15-летие комсомола. Работу по созданию художественных комсомольских фильмов они, как водится, начали с опозданием, и большинство этих кинофильмов еще находится в производстве. В лучшем случае часть этих фильмов будет выпущена в начале 1933 г.

Особняком среди всех фильмов, ставящихся на молодежном материале и по-разному освещающих боевые вопросы и проблемы жизни и быта комсомола, стоят две фильмы: «Комсомола — шеф электрификации» (производство Союзкино, работа режиссера Эсфирь Шуб) и «Комсомола» (производство Межрабпомфильм, работа молодого голландского режиссера коммуниста Мориса Ивенса), которые будут выпущены на экраны СССР в дни XV годовщины Октября.

Фильма «Комсомола — шеф электрификации» снималась на московском Электрозаводе, на ленинградских заводах «Электросила» и им. Сталина в Магнитогорске, на Дзержинске и главным образом на Днепрострое.

Фильма «Комсомола» снималась в Магнитогорске, в Прокопьевске (Кузбасс), на «Шариковжигинские» в Москве.

Киноаппараты обоих режиссеров неумоимо



Надр в фильмах «Комсомола»

проникали в самые ответственные участки строительства и заводов и фиксировали все важнейшие моменты работы: сборку генераторов и турбины для комсомольского агрегата им. «Комсомольской правды», бетонирование плотин на ДЭС и наконец торжественный пуск ДЭС, борьбу за своевременный пуск второй комсомольской дома в Магнитогорске, работу у Магнитной горы на коковой батарее.

Но не только волнующие моменты героической работы и борьбы комсомола фиксировали объективы киноаппаратов: мимо них не прошло и грандиозное культурное строительство, новые условия жизни и быта молодых строителей социализма.

В качестве ярчайшего контраста в фильме

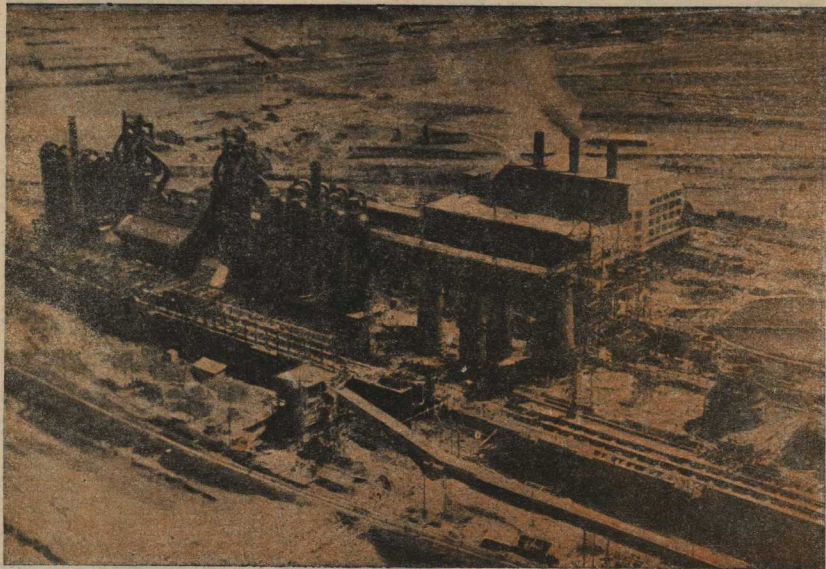
«Комсомола» показан капиталистический Запад, отдельные куски которого, заснятые летом этого года в Берлине, еще резко оттеняют успехи нашего социалистического строительства, противопоставляя ему кризис и огромную безработицу рабочей молодежи за рубежом.

В соответствии с патетикой и суровым пафосом борьбы за социалистическую стройку, за новую жизнь создавалась к фильмам и музыка. К фильму «Комсомола — шеф электрификации» музыку писал молодой ленинградский композитор Гавриил Попов (автор «Октябрьской симфонии», премированный на конкурсе Большого театра и редакция «Комсомольской правды»), и к фильму «Комсомола» — известный гармонский революционный композитор Гусь Эйлер.

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Адрес: Москва, центр, Малый Чернышевский пер., д. 3/4
Тел. 4-81-54

МАГНИТОСТРОЙ



Фотографы по фильму «Путь о крохот»

Рассказы и очерки:

Э. ЕЩИНЕР 16 лет Октября	4
Гр. Л. БУРДА Стирается грань между городом и деревней	8
Н. ДОБРОВОЛЬСКИЙ В. КОЖЕВНИКОВ Завоеванное Сорново	10
Н. МЕНЬЕР Бой у моста	18
Мих. МИРИНГОВ Агония умирающего класса	21

СОДЕРЖАНИЕ

М. РОЗЕНФЕЛЬД Искатели голубого камня	23	ОКтябрьские фильмы о ком- сомоле	2
Стихи: Б. ЛЕБЕДЕВ Плотник	15	ЕСТЬ ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА!	16
Н. СИДОРЕНКО Любовь	15	Рисунки: Г. БЕРЕНДГОФА	
Е. ПАВЛИЧЕНКО Стихи о первых рядах	20	Фото: Музея революции СССР, Горьков- ского истпарта, Штеренберга и Союзфото	
Л. АРХАНГЕЛЬСКИЙ (БРЯНСКИЙ) Балтиец	22	На титуле—Магнитострой (фотонад- ра из фильма «Песнь о горюх»)	
		Сложил художница Н. Авакумова	

15 ЛЕТ ОКТЯБРЯ

Сверхмощными паровозами Луганского паровостроительного завода. Тяжелыми теплоэлементами современного типа Коломенского паровостроительного завода. Крупнейшими в мире обжимными станами, бродягами Ижевского завода. Нефтеиспытательными установками «Красная» Подольского завода. Драгами Воткинского и Иркутского заводов. Мощными саморазгружающимися вагонами-думпками Сорского завода. Трансформаторной сталью высокого качества Верхневосточного завода. Жароупорной сталью сыктывкарского завода «Серп и молот». Хромопленочной сталью завода им. Ленина в Днепрпетровске. Крупнейшими турбинами мощностью в 50 тыс. киловатт Ленинградского завода им. Сталина. Двухтактными двигателями Зульшера Харьковского паровостроительного завода. Советским магнетом Электрова, электродвигателями со своими турбогенераторами и электродвигателями для плавки стали, электродвигателями. Высоковольтными и высоковольтными трансформаторами. Новыми домами в том числе шестью сверхмощными американского типа. Мартенами. Десятками тысяч советских тракторов, автомобилей, комбайнов, прицепных с.х. машин. Новой химической промышленности, механизированной угольной и нефтяной промышленности. Магнитогорского, Кузнецкого, Березнякского, Некинского и Воскресенского химических комбинатов. Сталинградских и Харьковский тракторных заводов. Автозаводом в г. Горьком, крупнейшей в мире гидроэлектростанцией — Днепровской ГЭС им. Ленина — и т. д., реконструированными с.х. совхозами и колхозами — все это беспримерными проблемами рапортует пролетариат и колхозники крестьянство Советского союза рабочему классу и угнетенным народам всего мира в день 15-летия существования первой в мире социалистической страны.

Либо смерть, либо добиться и пережить переходные капиталистические страны, говорил Ленин. Мы отстаем от передовых стран на 50—100 лет. «Мы должны преоблечь это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас смнут», говорит Сталин.

Героически выполняли эти указания тт. Ленина и Сталина, пролетариат Союза, руководимый стальной большинством партии, когда образцы нового отношения к труду, выводу нового промышленного на такой уровень, когда по выпуску всей промышленной продукции мы заняли второе место, оставив позади Францию,

Англию и Германию. Второе же место в мире мы заняли по тракторостроению и в ближайшие два года обогнали родную тракторную промышленность — Америку, по нефти обогнали Венесуэлу, завышавшую до сих пор второе место в мире, по производству чугуна и стали мы обогнали капиталистическую Англию.

Мы стали крупнейшей страной по выработке электроэнергии. В 1932 г. мы выработали электроэнергии 17 млрд. киловатт-часов, имея мощность электростанций в 5,600 тыс. киловатт.

«Наша тяжелая промышленность поставлена твердо на ноги и этим самым создана собственная база для завершения реконструкции всего народного хозяйства, база социалистической XVII партконференции».

Размах нашего строительства так грандиозен, успехи наши в области техники столь очевидны, что эти они не могут не восхищаться даже буржуазные экономисты.

Но что пишет по этому поводу один из буржуазных экономистов Бонн? «Сердце американского инженера начинает горько биться, когда он слышит, что в России можно отнять свои силы огромному техническому строительству, не считаясь с тесными рамками капиталистических расчетов на прибыль. Он видит, что в России наступила золотой век техники и что там сливаются в одно великое море волн, умелые и труды».

Мы стали страной самого крупного земледелия в мире — 122 млн. га посевных площадей у совхозов и колхозов. Мы собираем в этом году 18,400,000 центнеров хлопка, этим самым являем по хлопководству второе место в мире, обогнав Британскую Индию. У нас работают 3,100 машинно-тракторных станций, десятки тысяч прицепных машин и т. д. и т. д.

На этой основе происходит гигантское улучшение материально-бытового положения широких трудящихся масс СССР — единственной страны в мире, которая забыла о безработице. Переведены на 7-часовой рабочий день 86,4 проц. рабочих тяжелой промышленности, а к концу года будут еще переведены 20 предприятий, 91 проц. всех рабочих по легкой промышленности, 73 проц. на волях и 50 проц. на железнодорожном транспорте, выросла заработная плата, проведена огромная работа по коммунальному строительству. Вырос ряд новых образцовых социалистических городов. Значительно увеличился жилищный фонд. Огромные



Открытие павильона советской конституции
Москва, ноябрь 1918 года

размеры приняло строительство домов отдыха и санаторий, детских оздоровительных лагерей и яслей.

Введено всеобщее начальное обучение, и мы практически приступили к осуществлению программы партии об обязательном общем обучении всех детей от 7 лет. Школа охватила свыше 20 млн. детей и стала доступной и обязательной для всех детей страны. Мы создали школу ФЭУ, готовящую квалифицированные кадры строителю и охватывающую 1½ млн. учеников. Воцарился свыше 1,200,000 человек. Помимо этого широко развита сеть дополнительного рабочего образования непосредственно на предприятиях — школы, курсы и техникумы. СССР преподает нам в страну сплошной грамоты и занял первое место в мире по техническому образованию.

Каждому рабочему, каждому крестьянину доступна сейчас любая школа, образование он получает не только бесплатно, но при материальной поддержке государства. Доступными стали для широких рабочих масс все виды искусств и культуры.

Особенно разителен наш успех в национальных Целях ряд националов, и в особенности окраин Советского союза, ранее обреченных на постепенное вымирание, сейчас снова бурно развивается. В нацреспубликах идет огромный рост индустриального строительства. Строится своя промышленность, создаются свои нацкадры, своя пролетарская интеллигенция. Темпы роста культурного строительства в националах быстрее, чем в центре России. Это можно проследить по такому примеру. В нацреспубликах и областях охвачено в одном 1931 г. обучением такое количество неграмотных, какое было охвачено за последние 40 лет. Адагасы, Осетины, Кабардинцы-Балкарцы и другие области нацсоюза стали районами сплошной грамотности. В нацшколах советских республик на родном языке обучается уже свыше 93,9 проц. групп — 98 проц. узбеков — 96,5 проц. тюрков — 96,5 проц., татар — 96,7 проц. и т. д. Таков первый итог 15-летнего существования страны пролетарской диктатуры, таков итог непрерывной жосточнейшей борьбы рабочего класса и трудящегося крестьянства нашей страны под руководством стальной партии большевиков за превращение СССР из страны нищей, убогой, неграмотной в страну социалистическую.

Холодная, голодная, развужая, молодая Республика советов под руководством партии шаг за шагом отвоювала себе право на существование.

Было время, когда петля мирового империализма твоя стигнула шею страны советской. Юденич, Деникин и сердицу империарской революции — Ленинград, Двинск занял Ушкиты и На Дальнем Востоке хохляцкая шпана и



В день первой годовщины Октябрьской революции — 7 ноября 1918 г. — Владимир Ильич выступает на красной площади (из материала Центрархива)

американца. В Архангельске высаживали свои десанты англичане. С Урала и Сибири двинулся Козяк, и казалось, никакого выхода нет. Но рабочий класс и трудовое крестьянство навстречу все свои силы и под опытным руководством партии во главе с Лениным одержали одну победу за другой.

На смену Юденичу, Колчаку и Денишину были брошены врагелевские, петлюровские и мамоновские банды. По прямой директиве мирового империализма выступила польская Польша. Страна собирала последние остатки своих сил. Завод за заводом отдавал лучших своих рабочих, села посадили лучших представителей крестьянской бедноты на последнюю решительную схватку с мировым капитализмом, и это нападение было отбито.

Полная победа в прямом бою, окружения выдвинула как новое средство борьбы с нами экономическую блокаду. А когда и это средство оказалось бессильным сокрушить быстро крепнущее пролетарское государство,—тогда была сделана ставка на то, чтобы взорвать республику изнутри. На деньги мировых капиталистов были созданы организации, стремившиеся подорвать экономическое положение страны, провести экономическую блокаду, прорваться к Донецкому бассейну, еще более разветвление контрольно-налоговые предпринимательские организации—так называемая «Промпартия» и «Крестьянская партия» с Громова и Чарюмов, контрольно-революционные организации в промышленных районах «Союза освобождения Украины» на Украине, возглавляемого академиком Ефремовым, нацменовская организация в Белоруссии и т. д. И в то же время освобождая организмы, непрерывно наветы на наши представления: было совершено убийство наших официальных полномочных представителей, убийство т. Воровского, Южкова, убийство генерального консула в Катане Хавенса и четырех сотрудников консульства. Фабриковались всякого рода подложные документы вроде всем известного письма Зиновьева». Капиталистические провокаторы полагались на спонсировать на КВЖД, но получили сокрушительный отпор от нашей Красной армии.

Тогда безоглядней, инспирируемые генеральными штабами капиталистических стран, пошли на новые виды провокации, организуя убийство иностранных представителей, находящихся в нашей стране, а также и выдвиг политических деятелей других стран с тем, чтобы вызвать войну с нами. Штёрн покусился на жизнь немецкого посланника Фом-Диркена, глава французского правительства Думер был убит Горуговым, которого пытались использовать в своих целях русские безоглядней и французский генеральный штаб, выдавая его за агента Коминтерна.

Все приведенные факты—только отдельные явления длинной цепи контрольно-налоговых выступлений, провокаций и других попыток возмутить нас в войну с тем, чтобы еще раз помешать нам в осуществлении наших задач.



Один из первых солдатских комитетов на флоте в 1917 году

таться сокрушить единственное в мире пролетарское государство, ставшее маяком для всех угнетенных всего мира.

Эти 15 лет были годами борьбы не только с внешней и внутренней контрреволюцией, эти годы были годами жесточайшей борьбы со всеми оппортунистическими вылазками, имевшими место в нашей партии, отражавшими буржуазное и кулацкое давление.

Партия под руководством своего ЦК провела решительную борьбу с троцкизмом, скитавшимся на прямой контрреволюционной пути борьбы с пролетарской диктатурой, ставшим передовым отрядом контрреволюции, с правым оппортунизмом, с право-сланскими блоком и сейчас дала решительный отпор последней контрреволюционной вылазке Рютина, Галкина, Иванова.

«...Равногоспсия и разброд, царил в зале Александровского театра, и социалистическая пресса отражает ту же картину. Определенность и прямолинейность отличает только меньшинство. В советах—это все усиливается течение. Но несмотря на весь словесный задор, на хвастливые фразы, на демонстрацию самоуверенности, большевики, за исключением немногих фантазов, хрипы лишь на словах. Взять «во власть» они не попытались, бы по собственному побуждению... так же дерзко, как и все мы, они понимают, что первый шаг их

окончательного торжества был бы и первым днем их стремительного падения—так писали кадеты в передовой своего органа «Речь» 16 сентября 1917 г.

То же писала газета «Новая жизнь» от 23 сентября, орган четверть-большевиков, по выражению Ленина.

«Однако не зумим, а еще худшим выходом из положения, собственно не выходом, а просто провалом, было бы образование другого типа однопольного кабинета правительств, «продетратора и большевик». Надо ли доказывать, что пролетариат, изолированный не только от остальных классов страны, но и от действительных живых сил демократии, не сможет ни технически овладеть государственным аппаратом и привести его в движение в исключительно сложной обстановке, ни политически не способен будет противостоять всему тому напору враждебных сил, который сметет не только диктатуру пролетариата, но и в придачу всю революцию?»

На все эти пророчества русской контрреволюции от наших дел социал-демократов меньшевиков, включая «сворст и т. д., Ленин отвечал: «... не выйдет той силы на земле, которая поменяла бы большевиков, если они не дадут себе зачать в кулаке власть, удержав ее до победы всемирной социалистической революции» (Ленин, т. XXI, стр. 279).

Куда делься эти «пророки»? Они копошатся сейчас на задворках мирового капитала и доживают последние свои дни. Как старые воры, пытаются они из-за синицы своего хозяина нагнать, навредить, помешать нашему социалистическому движению вперед. Как бы ни старались Даны и Абрамовичи, Керенские и другие, мы не остановим, не повернем колесо истории назад. Наши успехи таковы, что с ними не может не считаться весь мир. СССР, руководимый великим русским ВЦИОМ—где впереди, а это время все капиталистический мир переживает экономический кризис, разнуздывая все устои мирового хозяйства. Насколько силен кризис, можно проследить по Франции, вступившей в полосу кризиса на год позже САСШ. Вот небольшая характеристика экономического положения Франции.

Индекс основных отраслей французской промышленности упал ниже довоенного уровня. Если взять индекс 1913 г. за 100, то общий индекс промышленности составил 92, а машиностроения—93, а металлургии—71, а в среднем—71, в строительной промышленности—95 и в текстильной промышленности—57 проц.

Состояние сельского хозяйства во Франции таково, что правительство под давлением агрария вынуждено вводить все новые таможенные барьеры, чтобы задержать строительное падение цен на внутреннем рынке.

Задыхаясь в клещи кризиса, капитал ищет выхода в войне и в своем стремлении выжить войну раньше всего ставит ставку на войну с СССР, за ширмой Комиссии по разоружению скрывает неслыханные доселе вооружения страны. За слиянии Комиссии по разоружению по существу война уже ведется, никак иначе нельзя рассматривать оккупацию Японией Манчжурии и т. д.



Матросы с «Аерофль» участники февральского переворота

Вместе с тем буржуазия проводит беспощадный нажим на рабочих.

Один чрезвычайный декрет следует за другим. Сокращается зарплата, выбрасываются на улицу десятки рабочих. Особенно тяжело в связи с этим положение рабочих молодежи. В Германии молодой парень работал со школьной скамьи продавцом на бирже труда. На окончившихся в этом году в Гамбурге 60 проц. сразу остались безработными, а остальные в большинстве своем получили краткосрочные работы не по специальности. В Берлине один треть всей молодежи от 13 до 21 года безработна. Даже та рабочая молодежь, которая работает, обречена на совершенно безвыходное материальное положение. В той же Германии на издательство принадлежит предприятие «Рейкс» в Хемнице ученик на 2-м году обучения при 39-часовой неделе зарабатывает в неделю 4 марки 50 пфеннигов, или 2 р. 55 к. На заводе искусственного шелка в Бален-Вальде молодой рабочий при 37½-часовой рабочей неделе получает 16 марок, или 7 р. 35 к., а молодой батрак в Восточной Пруссии за 10-часовой рабочей день получает 20 пфеннигов, или 50 коп. И эта зарплата чрезвычайными законами, системой сверхных штрафов беспрестанно снижается.

В Саксонии на текстильной фабрике, где работает большинство девушек, за разговор во время работы взымают штраф 50 пфеннигов. Зарплата молодого горняка в Чехо-Словакии колеблется от 22—25 крон в смену, примерно 1 р. 50 к. Молодой горник, ставший 18 лет в Италию зарабатывает ¾ лиры в час, примерно 25 коп. В САСШ зарплата металлистов по отношению к проекционному минимуму в 1929 г. составляла 75,33 проц., в 1930 г.—70,8 проц., в 1931 г.—59,5 проц.

Если ко всему этому прибавить беснующую эксплуатацию, продолжительность рабочего дня у рабочих до 10 часов, суровый режим на предприятиях, систематическое преследование со стороны предпринимателей и фашистов, ежедневную угрозу расчёта и безработицы, то станет ясно, в какой тяжелой и угнетенной обстановке приходится работать молодому рабочему на предприятии.

Экономическому гнету сопутствует и политическое бесправие молодежи. В Австрии молодежь, члены профкозов, объединенные до 18 лет в юношеские секции, не имеет права участвовать в общей профсоюзной жизни.

Не лучше положение и деревенской молодежи. Приведем картину из жизни крестьянской молодежи в Японии. Газета «Таки-Осаки» сообщает: «Вследствие крайней нужды в деревне Ниси-Кован провинция Ямагата из 467 домов вывезли от 15—24 лет 110, или 23 проц., были вывезены женщины в публичные дома; 140 остались дома и родителей и упали в горды

МОСКОВСКИЙ СОВЕТ
РАБОЧИХ ДЕПУТАТОВ
Военно-Революционный
Комитет

Артиллерийскому отряду на Воробьевых горах

П Р И К А З Ъ

Штаб Военно-Революционный Комитет приказывает прекратить стрельбу по Никитским воротам и перенести огонь на Кремль

Член Военно-Революционного Штаба

Секретарь

искать какой-нибудь работы, так как они еще не достигли возраста, установленного для поступления.

Эта заметка не нуждается в комментариях. Не лучше положение и в других, так называемых средних слоях трудящейся молодежи. Умная молодежь лишена всяких перспектив работы. В капиталистических странах десятки тысяч молодых инженеров, врачей, педагогов и техников не находят применения своей квалификации. Самым лучшим образом эксплуатируется молодежь, за грини работающая в учебных заведениях и торговых заведениях. Молодежь не имеет перспектив, не видит будущего в условиях капиталистического общества.

— Где выход? Что со мной и моей семьей будет завтра?

Вот какие вопросы стоят в настоящее время перед молодежью. Безвыходность и бесперспективность вынуждают многих из лижневой молодежи, толкают на крайность, на действия, являющиеся результатом полного отчаяния; ежегодно происходит десятки самоубийств. Непрерывно растет количество уголовных пре-

ступлений молодежи. Колоссально выросла преступность среди молодых девушек и подростков. В этом пытаются найти выход обнищавшие группы молодежи. Подталкиваемые же большинство вступает на путь активной борьбы за свои интересы, против наступления буржуазии. За последний период мы имеем целый ряд новых революционных выступлений молодежи, в которых активное участие принимает и рабочая молодежь. За последнее время мы имеем нарастающее революционное движение.

В Китае — массовый полк антиимпериалистической борьбы, развитие советского движения, крупные успехи героической китайской красной армии. В Испании — бурный подъем массового движения с тенденцией развития к народному вооруженному восстанию. В Польше — волна массовых забастовок, многочисленные боевые выступления крестьян и нарастающее волею партии национально-революционное движение на окраинах Польши. В Германии — рост массового влияния компартии, переход социал-демократических рабочих, вопреки стараниям правды, в отряды против террора фашистских банд. В Англии — забастовка матросов военного флота, бурные демонстрации рабочих осенью 1931 г., забастовочное движение в Ланкашире.

В Чехо-Словакии — всеобщая стачка горнорабочих Северной Богемии, революционное движение рабочих и крестьян в Прикарпатской Украине. Во Франции — крупные стачки на северных военных воздушных лагерях. В САСШ — крупные стачки рабочих, выступления безработных, поход ветеранов войны в Вашингтон, боевые выступления фермеров. Крупное международное значение приобретает всеобщая стачка в Бельгии. В большинстве стран стачки сопровождаются ожесточенными столкновениями с полицией и штрейкбрехерскими бандами.

В Японии — боевые выступления рабочих, крестьян и студентов, прорывающие рамки военного и полицейского террора. В Индии — усиление революционного брожения в городах и в деревне, массовые стачки. В целом ряде стран борьба пролетариата перестала быть с массовыми революционными базами крестьянства.

В ответ на революционное выступление рабочих усиливается террор в капиталистических странах.

В Польше 19 рабочих, обвинявшихся в организации коммунистического ячеек среди солдат Варшавского воеводства и среди военных частей варшавского гарнизона, приговорены к разным срокам каторги — от 2 до 6 лет. В Румынии, в Бухаресте, совершил налет на комсомольское собрание, арестовано 8 молодых рабочих. Таких примеров можно было бы привести бесчисленное множество. Но общий террор не угасляет революционного движения в странах капитала.

Экономическая кризисе вызвал п. с каждым днем все более усиливает пессимизм в среде буржуазной интеллигенции.



Одно из первых заседаний Совнаркома в Смольном в ноябре 1917 г. Слева направо: восьмой — В. И. Ленин, девятый — И. В. Сталин (стоит), десятый — Дымов (стоит)

На прославленном оверном съезде британской ассоциации научных деятелей многие выступления видных научных деятелей служили доказательством перемены в настроении буржуазной интеллигенции под влиянием кризиса. Председатель инженерной секции съезда профессор Уокер подверг крайне резкой критике парламентаризм: «Многие страны», — сказал он, — страдают от того, что их правители не имеют специальных знаний и практически, заочного смысла. Издание законов и управление государством предоставляется политикам и бюрократам. Для правильного разрешения вопросов труда и экономики нужна не малая подготовка, чем для разрешения инженерных задач.

Многие ли члены парламента в состоянии решить систему уравнения с тремя неизвестными? Между тем им платят по 400 ф. стерлингов в год за то, что они решают задачи с гораздо большими числом неизвестных.

Многие ли найдется среди них людей, которые имеют бы хотя бы самое элементарное представление о тех законах, которые они надают? Они могут болтать, но не могут успешно делать свое дело, они не знают своего дела, они не обладают умом, приспособленным для производства сложных проблем, и они не верят в то, что логика доводит до добра».

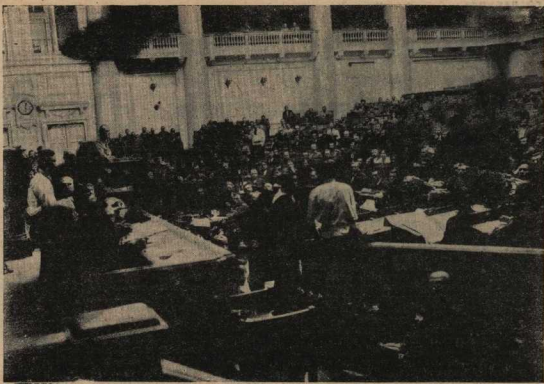
В заключение он предложил создать экспериментальное государство в виде добровольных самостоятельных колоний под руководством ученых, инженеров и экономистов.

Если оставить в стороне это утопическое предложение, то выступление профессора Уокера дает яркий пример того, как типичный буржуазный ученый-специалист пришел, хотя и в чрезвычайно неясной и путанной форме, к отрицанию основ капиталистического строя.

Пятнадцатые Октября в этом году мы празднуем на грани двух пятитысяток. Первым пятитысятка была пятитысяткой, в течение которой закрепили фундамент социализма, в течение первой пятитысятки мы вступили уже непосредственно в период социализма. Вторая пятитысятка будет пятитысяткой, в которой мы построим бесклассовое социалистическое общество, александру пережитки капитализма в экономике и сознании людей. Во второй пятитысятке на новой технической базе реконструируем промышленность и сельское хозяйство.

Задачи, поставленные XVII партконференцией, вполне грандиозны. Выполнение их потребует огромного напряжения, но мы их выполним.

Выполнение задач второй пятитысятки требует от всех организаций рабочего класса максимального внимания к дальнейшему улучшению материально-бытовых условий трудящихся.



Первое общесоюзное заседание фабзавкомитетов в Петрограде, октябрь 1902 г.

Этим вопросам исключительное значение придает вся партия, свидетельством этого может быть практическое обсуждение и принятие ряда практических решений последним, сентябрьским пленумом ЦК партии. Мы должны как можно быстрее развить работу по выпуску предметов широкого потребления, правитель их распределять, доводить их до широких масс и на этой основе развивать советскую торговлю.

На этом участке улучшения материально-бытового положения трудящихся масс значительную роль может сыграть и уже играет ленинская комсомол. Задачи его заключаются в том, чтобы от рынков перейти к систематической работе по усилению производства ширпотреба и по развитию колхозной торговли.

Хорошо помнить, что этот, кто не понимает, что сейчас важнейшая политическая задача — произвести больше товаров, больше тканей, чтобы дать рабочему и крестьянину, произвести

больше бумаги, обуви и других товаров, тот, кто не понимает, что для этой работы необходимо засучить рукава, не бояться грязной работы, не бояться мелочей, не ограничиваться общими рассуждениями, кто не хочет заниматься такими конкретными делами, тот не больше, не меньше, тот не проводит генеральной линии партии, сколько бы он ни доказывал преданности «б. на словах» (Каганович).

Эти слова т. Кагановича должны быть положены в основу всей работы наших комсомольских ячеек, — заниматься все время всю дня в день улучшением материально-бытового положения рабочих масс, не иррегулярно мелочами, уметь помочь и проверить, как кооператив распределяет отдельные предметы широкого потребления, как заводской кооператив организует самообслуживание, как работает столовая, буфет, уметь наладить культурную работу в общежитии, в рабочем поселке, в доме и казарме, — должны стать делом каждой организации, каждого комсомольца.

За минувшие 15 лет комсомол являлся лучшим помощником партии на всех участках строительства, не раз показывая образцы социалистического отношения к труду, образцы, ставшие достоянием всего трудящегося населения нашей страны.

Комсомол за эти 15 лет стал школой разнообразной государственной деятельности. Сейчас задачи комсомола усложнились. В более сложных условиях надо уметь работать по-иному. А сейчас, когда одной из актуальных задач, стоящих перед комсомолом, является задача превращения всего комсомола в школу, готовящую молодежь к разнообразной государственной деятельности, комсомол должен стать школой пролетарской интеллигенции. В связи с этим совершенно по-иному должны быть поставлены вопросы овладения знаниями, вопроса образования и отношения к интеллигенции в нашей стране.

«... Для того чтобы еще больше ускорить наше движение вперед по всему фронту, мы говорим, что лозунгом для нашей работы является — культурно жить, производительно работать. Мы должны научиться без рынков, без партизанщины в полном смысле этого слова... Ленинский стиль в работе каждого комсомольца, каждой ячейки, каждой группы».

Именно-политическое воспитание масс молодежи, комсомольцев, пионеров и детей — вот главные вопросы (Косарев).

Именно в этом направлении будет работать ленинская комсомол. Высоко держа знамя Ленина, тесно сплотившись вокруг партии Ленина, вокруг ее ЦК, во главе с лучшим учеником Ленина — вождем мирового пролетариата т. Сталиным — комсомол Союза уверенно пойдет дальнейшим победом на фронте социалистического строительства и мирового пролетарского революционного движения, находясь в первых рядах исключительного коммунистического движения молодежи.



Первая всероссийская конференция фабзавкомитетов в октябре 1912 г.

СТИРАЕТСЯ ГРАНЬ МЕЖДУ ГОРОДОМ И ДЕРЕВНЕЙ

«Противоположность между городом и деревней является одной из основных особенностей культуры отсталости деревни... ВКП(б) имеет в учетной своей программе задачу ликвидации этой отсталости».

Из программы ВКП(б)

Тридцать лет назад, несомненно (абер), всякий деятель, а впоследствии министр кадетского правительства А. И. Шингарев, обследуя русскую деревню, с ужасом убеждался, что «деревня вырождается».

Веський ряд дворов, не имеющих возможности купить капусту, огурцов, мяса, дедья семьи без молока в течение круглого года! Да разве это не хроническое голодание, не усталая постановка нищеты, приваляющая к таким хлебом, изредка кашей и опят-таки хлебом и больше ничем? (А. Шингарев, «Вспоминания деревни», стр. 53).

Шингарева «поражал ужас перед действительным положением крестьянства. Но либерально-земскому деятелю и в голову не приходило хотя бы заикнуться о системе, порожденной этой ужасу. Широкие равнины жилищ Европы не раз воспевались в стихах и прозе. Господа Тимковские издавали даже журнал «Приютное и полезное чтение для образования ума и сердца», в котором так подробно писались о жизни крестьян.

«Днем управляют они в рубке дров, а вечером поют хором ласки, извещающие простое их сельское состояние. Повеселившись таким образом, расходятся по домам, и отдохнувши и вставши вместе с первым возмужанием пелуха, ити молотъ выслушиваши в овинах во время их песен хлеб. Городские жители, дабы уловить осеннее время, закупаются картонам, театрами, маскардами и балами. Всякое состояние имеет свои и приличное по времени увеселение».

Не живя, я раз Малюковские реки и киевские берега рисовал Тимковские.

А в это время — дитя и соха, лунка и прака, лубочный «Ерусалим» на стене, вышита бисером кружева, за которыми спели люди. Губы, несомненно, ежеминутно выговаривали: «Рай был убог махочей для крестьянина. Нищета, холод, кабыла, отработка гнаи-мушки в город. И он бежал, бежал из этого края; хоть я чорту на рога, лишь бы вырваться из под помещика рукава».

Вот деревня Животинное Воронежской губернии.

От голода, нищеты, бескультурья деревня Животинное Воронежской губернии вымирала. Смертность превышала рождаемость. Богатейшие обильные черноземы царскими чиновниками были зачислены в графу «затронуто-перенаселенные, оскудевшие», или, как выражается Шингарев, «вымирающие».

Одно из Животинное ищивалося и вымирало?

Незловки. Голодовки — им названия даны по их содержанию.

Тысячи деревень, закатые в тисках помещичьей и кулацкой эксплоатации, были обречены на голод и вымирание.

И нужно было возродить деревню, возродить ее на новой основе, поставить сельскохозяйственное производство по последнему слову техники, повести волг него машинию туда. Для этого необходимо было создать условия. Это могло сделать только пролетарское правительство, только диктатура пролетариата, уничтожившая частную собственность на землю, только рабочий класс смог вывести крестьянина на дорогу социализма и сложить конец его экономической нищете и общественной депрессии.

И это сделано. Страна советон из страны нището, мельчайшего земледелия, «ежеминутно, ежедневно рождающего капитализм и в массовом масштабе, превращена в страну индустриально-аграрную, в страну самую крупного земледелия и мин.

Вся история человечества, начиная с ее самых ранних времен, никогда не знала такого гоуд-рства, которое бы так успешно и быстро

развивалось, как наш Советский союз. Ни одна страна не знает такого правительства, которое бы так энергично, настойчиво, так преданно заботилось о трудящихся массах, как правительство рабочих и крестьян нашей страны. Благодаря на карту Советского союза, и вы увидите, что там, где был пустырь, выросли целые города, выстроены гиганты-заводы. А на равнинах, где сохой ковырял крестьянин, ходят тракторы и комбайны, собирают урожай колхозов и совхозов.

Только в стране, где нет эксплоатации человека человеком, только в такой стране, только передвигавшие лица земли и человека. Пятидесятигодушнему пролетариату встречает досрочным окончанием первой пятилетки. Эти годы войдут в историю борьбы мирового пролетариата как годы величайших побед социализма по всему фронту. Фундамент социалистической экономики успешно построен. Это означает, что ленинский вопрос «кто какой релен ионичательно и бесповоротно и в городе и в деревне в пользу социализма».

Основой этих побед и успехов является политика индустриализации нашей страны, ибо «действительной и единственной базой для укрепления ресурсов, для создания социалистического общества является одна и только одна — это крупная промышленность» (Ленин, т. XVIII, стр. 260).

Промышленность и сельское хозяйство сейчас развиваются на единой базе крупного социалистического производства в городе и деревне. Подорваны окончательно корни капитализма в сельском хозяйстве, порозничены его корне раскошены деревни, — стало быть, преодолели ту самую массовую нищету, которая гнала крестьянина из деревни в город (Сталин). Союзом, колхозы стали главными, основными формами ведения сельского хозяйства. Лозунг партии о выкорчевывании корней капитализма из экономики и из сознания людей успешно претворился в жизнь, вопреки пророчествам оппортунистов всех кастей.

Деревня пошла по социалистическому пути. Рабочий класс под руководством ленинской партии решил самую важную и самую трудную задачу пролетарской революции — посея Октябрь.

Эти победы отнюдь не пришли самоютею. Они завоеваны в жесточайших схватках с классовым врагом. Необходимо было в старой забитой России создать такую базу, которая позволила бы приступить к ликвидации кулачества как класса и закрыть все каналы, порождающие классы и классовые различия.

Рост культуры и материального уровня трудящихся масс деревни есть следствие роста производительных сил всей страны. И здесь чрезвычайно важно отметить, что наш крестьянин уже не имеет той рабской приверженности к земле, которую имеет крестьянин на Западе. Что привлекательно раньше русского и приняывает сейчас на Западе крестьянина к земле?

Частная собственность на свой клочок земли. Крестьянин годится копить, гонимый, чтобы иметь свой клочок земли. Вот этот «прирак» крестьянской собственности был талисманом, который отдувал крестьянина во власть помещика.

У нас в Советском союзе нет частной собственности на землю. И для того, чтобы производить хлеб, крестьянину вовсе не надо покупать землю. Эту землю ему дала Октябрьская революция. Вот почему у советского крестьянина нет рабской приверженности к земле, какая еще есть у крестьян на Западе.

А это не могло не повлиять на психологию крестьянских масс в сторону установления новых форм землепользования, кроме того — возможности производства новых культур.

Донские степи превращаются в поля маляной культуры (семена которой содержат 50 прои. жира). Знаки ли воронежские черноземы заниматься розу (а ведь капля розового масла дешевле, чем аэс лозота), востидский аэроту, казакский трау-саргас? Фергана одевает Советской союз.

За пять лет посеяно посевной площадью — 30 млн. га.

Знает ли старая деревня смелос? Нет! Скот подуча солому и редко сено. А сейчас летяными ношах кормовых трав прорывают фронт годового соломенного пака. Александрийский клевер, суана, абиссинский тэф, мильтаская трава — всего этого никогда не знала наша земля.

А земля? Старая зерно-пашенная трехколоска намерст поражена многоплодием в союзе с минеральными удобрениями.

Машина сделала революцию в использовании земли. Интери, катерпалеры, виндрузеры, комбайны, селдинги, турмаи-вакуумы и среди них — рожденная в революцию зинотребилка «Консолонка». Все это обильвает землю земли. Посеяв с аэроплана стали возможны только на наших полях колхозов и совхозов.

Невиданными темпами повышается техническое вооружение деревни. Только за три последних года количество МТС увеличилось до 2270.

Но к машине нужны люди. Трактористы, поделовые счетоводы, бригадирны, животноводы — все это ново и по-новому требует знания агротехники.

И если вы, читая слово «район», представляете себе его как грязное захолустье, то это грушевая ошибка. Верно, еще много придется работать над тем, чтобы превратить крестьянина в сознательного строителя социализма, еще много придется работать над выковкой «единичных трудов». Но факт тот, что в деревне произошли сдвиги, которые создали все условия для того, чтобы двигаться вперед такими шагами, которых он знает история.

Главное в том, что «в колхозы пошел в своей массе и середняк». Это значит, что колхозное движение перепратилось из движения отдельных групп и преломок трудящихся крестьян



Малюковская изба-читальня, одна из лучших на Ура е



1905 год. Катаня охраняют имени

Фото Музея революции СССР

в движении миллионов и миллионов основных масс крестьянства (Сладин).

Это значит, что прошлое — как старая земля, что нет деревни с ее дубовыми «Ерусалимскими», есть новая деревня — колхозная.

Вот пример. Россошанский район ЦУО. В прошлом — южными полями-самоудоров. 35 проц. всей земли Россошанского района находилось в их руках. Пятую часть земли захватывало кулачество — примерно по 200 га на хозяйство. Остальные — это аренда, отработки, батрачество. Сельскохозяйственные машины только в руках кулачества, остальные пахали сохой и сеяли руками. Земля давала крестьянину 5 центнеров сеномой ржи с га или 4 центнера яровой пшеницы.

Непроданная грязь, бескультурье, темнота, голод, нищета как следствие господства помещика и кулака. На весь район была 21 школа. Зато было 18 парней и 48 бабков. И на весь район один врачебный пункт, а в нем один врач и один фельдшер.

79 проц. неграмотных дополняют эту картину.

А что стало в 1931 году? Нищета, что помещику нет и в помине. 52 колхоза и 3 коммуны — 96 проц. крестьян в колхозах. Только 4 проц. земли заняты единоличниками. Все, даже глухие углы района, видели у себя тракторы Россошанской МТС, которые обработали три четверти всей земли района.

Шесть молочных товарных ферм, девять агрономических, двадцать три птицеводческих («Свинодо», «Скотовод», занимающие 8200 га с 9452 голыми скота).

И в 1931 году колхозы продали государству 4920 центнеров молока, 1470 голов поголовья скота, 603 овцы, 1486 свиней, 40000 птиц. Это — тот район, где вымирала деревня Житинское, которая заставила так истерично закрывать диверсы-кадеты А. Шингарева.

«Окудеши» черезым дали колхозам при птильном севообороте 9 центнеров ржи или 8,21 центнеров яровой пшеницы. Район уже имеет два мезодельных завода.

В районе уже не 21, а 83 школы. В 16 из них созданы дополнительные учебные группы. Кроме того организовано 5 ШКМ, одна школа совхозу, 6 школ подростков и одна ФЭС. Россошанский район теперь не знает, что такое техникум. А сейчас их в районе — 25 инженерных, педагогических, птицеводческих. Добавьте к этому 2 библиотеки, 7 кинопередвижек, 9 клубов, 60 красных уголков и 1 краснейший музей. В районе работают 1 мезодельная. Выстроена больница, ветеринарий и туберкулезный диспансер, рентгеновский кабинет, детская конюшня и городская библиотека.

Поселок превратился в районный центр. По улицам ходит автобус, есть гостиница «Юная Россия». Луизи, зерноубойный завод, электростанция. Район быстро телефонизируется.

И если раньше в районе было 79 проц. неграмотных, то сейчас уже среди граждан до 35 лет грамотных 96 проц.

Это в 1931 году. А 1932 год принес новые достижения. Это настоящее, а будущее района — в его руках.

Мы подробно останавливались на цифрах, чтобы наглядно показать, как идет культурный и материальный рост деревни, именно той деревни, которая была занесена в тетрадь вымирающих, «окудешиных».

Приведенные цифры — путь каждой советской деревни. Строй, основанный на эксплуатации, на диктатуре голода и нищеты, души, даяния, выматывала, уничтожала Строй, уничтожающий частную собственность на землю, возрождающий на новой основе промышленность, индустриализованный строй, помог деревне вырваться из отупения, вывел деревню на путь неуклонного подъема материального и культурного уюта.

В этом — решение одной из основных задач — ликвидация противоборядности между городом и деревней. Причем роль города в новых условиях — роль организатора, строителя, создателя.

Успехи в развитии всего народного хозяйства, а отсюда повышение материального уровня трудящихся масс привели к огромным достижениям в области культурного строительства.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что вопросы культуры не есть что-то отдельное, а являются частью общей борьбы пролетариата за социализм. Разработанный семидесятилетний оперативный план, Ленин указывал, что «для того, чтобы совершить это, столько же, сколько кооперирование массовых». — Г. Д., путь некая переплет, целая масса культурного развития всей народной массы» (Ленин, т. XXVII, стр. 349).

Как видите, разрешение задач социалистического строительства, привлечение миллионов к управлению государством связывается с вопросом культурного развития трудящихся.

В этом году решается чрезвычайно важный вопрос — вопрос приобретения трудящихся к политике, вовлечения их в социалистическое строительство. Грамотность играет в этом решающую роль.

Ликвидация неграмотности среди населения за годы диктатуры пролетариата занимала и занимает одно из первых мест.

В этом году уже обучалось млн. человек. Это означает, что на каждых двух жителей СССР — один учится. Ни одна буржуазная страна не знала и не будет знать такого размаха борьбы.

Год за годом деревня повышает процент грамотных. Ликвидация неграмотности среди женщин-крестьянок является ярким показателем культурного роста села. В 1927/28 году грамотных женщин по селам было 38,7 проц., а в 1931 году — уже 50,72 проц. А это не могло не отразиться на повышении активности в участии политической жизни. Тысячи ударниц и ударников колхозов и совхозов, МТС, МТФ, показывающие образцы социалистического отношения к труду, свидетели ро-

ста политической и хозяйственной активности трудящихся масс деревни.

От довоенной России нам досталось множество бабков и так называемых народных домов, которые были по существу постоянными дворями и чайными. Центром всей политпропаганды в деревне стала изба-читальня — это детище Октябрьской революции. Если в 1922 году было только 5018 изб-читальен, то уже в 1930/31 г. их стало 25.756. Клубы, дома просвещения, дворцы культуры прокладывают себе путь в деревни, становятся опорными пунктами культурного и политического роста колхозников. Дома крестьянина, которых сейчас насчитывается свыше 8 тыс., служат не только местом, где крестьянин находит себе приют во время посылки в город или районный центр, но они стали рассадниками агрокультуры, агротехники и местом обмена опытом и достижениями.

Заказ на помещику деревни газеты? Нет. Пролетариат сделал ее одним из могучих орудий культурного и политического просвещения масс. Царская Россия имела 669 газет, из которых в деревню попадали единицы, да и те в руки кулака, помещика. У нас одна Украина имеет на 60 проц. больше тиража газет, чем все газеты при царизме, вместе взятые.

Рост тиража крестьянских газет свидетельствует о росте культурного и политического уровня деревни. За 1922—32 гг. тираж американских газет вырос на 12,5 проц., а в СССР за этот срок тираж газет вырос на 29 раз.

Конечно это сравнение только условно, ибо наша печать по своему существу и классовому содержанию принципиально отличается от содержания газет при царизме и американских. Наша печать — это печать рабочих и крестьян. Многочисленные армии разбейщиков являются основной опорой наших газет.

В. И. Ленин судил бы социализма в СССР, как известно, ставил в зависимость от роста производительности труда и выработки социалистической дисциплины труда. А эта дисциплина не может быть создана без роста культуры.

Университет, социалистическое соревнование — социалистические формы труда. Под руководством рабочего класса и его партии широкие массы колхозников, совхозников становятся на путь сознательного отношения к труду.

Все больше и больше трудящиеся массы деревни выходят на арену такой работы, где они могут проявить себя, реализовать свою способность, обнаружить таланты, которых в народе непочатый родник и которые капитализм млн. даяния, душил тысячами и миллионами. А организационных талантов в крестьянстве и рабочем классе много, и эти таланты только-только начинают сознавать себя, просыпаться, тянуться к живой творческой великой работе, братья самостоятели силой строительства социалистического общества» (Ленин, т. XXII, стр. 158).

ЗАВОЕВАННОЕ СОРМОВО

1. ИСТОРИЧЕСКИЕ СПРАВИ

В 1848 г. в Сормове появились некий отставной поручик Б. Е. Бенардски. Его лицо с тяжелыми жирными отеками и величественно-величавостью. Раздавшийся у царского прачешства на откулах золотых причесок в Савири, Бенардски решил основать в Сормове металлургический завод. Место, выбранное для предприятия, оказалось плохим. Раздавшийся у прачешства, при которых мы бы успешно развивались завод.

В десяти верстах находится Николай-Ногоро, где сплавляют для плавильных котлов пуды; Вога и Ока. Владеевскими же Московско-Нижегородская ж. д. соединила завод с Москвой и прочими промышленными районами. Завод был обеспечен доставкой топлива и материалов и отправкой готовых изделий. Кроме того Сормово окружали уезды, славившиеся опытным кузнари: Семеновский уезд — плотниками, Павловский — металлургами, и т. д.

Завод начал под давлением все возрастающего спроса беспорядочно и бурно расти. Притом, индустриальное оборудование, напекх закупуется в деревянные сараи, — тот что являл тогда собой Сормовский металлургический завод.

Кульенный в 1897 г. акционерным обществом «Сормов», Сормовский завод неслыханно разросся. Десятки тысяч рабочих, загнившие и грязные, душные хижины заводских поселков, копившиеся в ядовитом чаде завода. Правление акционерного общества «Сормов», получив огромные дивиденды, часто зарывало в бешеной спекуляции на бирже. В одну из суббот 1899 г. правление не сумело выплатить ввиду неудаче спекуляции рабочим заработную плату. И рабочие, истерзанные отягательными условиями труда, отвели на это разгром дома директора Фосса и электрической станции. Усмирение рабочих обошлось на этот раз правлению очень дешево.

3 июля 1899 г. Малострой государь Вадислав Александрович!
В ответ на наше письмо от сего числа покорнейше прошу вас на сумму в 980 руб-

лей, отпущенных мною на удовлетворение айска, распределить 900 рублей так: нижним чинам 304 руб. и г. офицерам — 316 рублей. Остальные же 80 рублей покорнейше прошу отставить в своем распоряжении для выдачи по усмотрению.

С совершенным почтением Фосс.

Потеря поражение, рабочие почувствовали, что путь не верен, нужен другой — планомерный, подготовленный, организованный. И в организованности и планомерности сормовичи пришли очень скоро. Через шесть лет Сормово покрылось баррикадами, захула артиллерия и захула пули, восставшие требовали теперь уже не только улучшения своего экономического положения, но и политических прав, сурьережа самодержавия. 1899 г. был для сормовичей решительней 1905 г.

Самостоятельные молодежные подпольные организации имели огромное значение в 17-м году, направляя неорганизованную часть колеблющейся молодежи в революционный прогрессорский русло для последнего решительного боя.

После Всероссийского съезда союзов молодежи, состоявшегося 29 октября 1918 г. в Москве, в Сормове вместо развалившегося социалистического съезда молодежи в феврале 1918 г. организована ячейка комсомола. К маю 1919 г. сормовская организация комсомола насчитывает в своих рядах до 120 человек. В это же время она посылает 35 комсомольцев на козачковский фронт. В мае по инициативе сормовской организации комсомола проводится 6-часовой рабочий день для подростков. 16 февраля 1920 г. в «Неделе красной молодежи» Губком КСМ выпускает впервые свою комсомольскую газету «Молодая гвардия». Сормовский комсомол героически дрался на всех фронтах гражданской войны. В борьбе с разрухой суботники и воскресники сыграли в работе комсомола огромную роль. Это была система регулярной работы комсомольских организаций. Комсомол Сормова имеет славную историю борьбы с бандаизмом, в героических рядах ЧОН немало погубило комсомольцев от рук бандитов и забуржуазившего кулачества.

И сейчас десятилетняя организация комсомола Сормова неукожно идет по пути новых побед, завоеванных Октябрем.



Саводский ученик Миша Ягод погиб от шашки городского вожака на Баррикадах Сормова, 1906 г.

2. ОНА ОТКРЫТЫ В ЦЕХ

За какой достатой изгорелось, с подтеками от дождя, горбатится прогнившие и проколотые крыши корпусов. У проходной в низкий галвте торжков, толпится молчаливая очередь в ожидании хозяина.

Таков вид проходной завода во все премя до Октября.

Хозяин не счепа загадывать поумр людям в зубы, как ошамид, требовал дыхнуть и, если никак виновным перегаром или табакком, отвергал.

Следующий.

Подходя следующий. За подать в виде гусь, последней телки мастер принимал подростков на работу и надевал на их толстые иен такие же металлические бляхи с рабочим номером.

Крестяному подростка, ступившего от страха и покорности, ставили на тяжелые подпольные работы, и он не сходил с них несколько лет под ряд. Работать подросток должен был нарание со взрослыми рабочими — деннацать, четырнадцать часов, а зарабатывал шесть рублей в месяц, то есть 20—25 копеек в день. Непосильный труд в грязных и душных цехах увеличивал заболеваемость туберкулезом, элаемой, трахомой, повывшая смертность. Перерыв среди работы на обед и отпусков не существовало. Больничь или амбулаторий при заводе не было: заболевший валлился где попалю, рассчитывая на случайную помощь и свою живучесть.

Хозяин подростка блях мастер. Он мог распорядиться им, как хотел. Если подросток опаздывал утром в цех на молитву или держал по адресу невоных святых, мастер выгонял его с работы. Перейти с работы подсобника на самостоятельную работу могли рассчитывать либо родственники мастеров завода либо подростки, которые были в состоянии дать мастеру взятку. Из сотни подростков только пять—десять человек достигали к тридцатилетнему возрасту звания квалифицированного рабочего. Польность по закону заработной плата выдвигалась на пути три раза в год, перед большими праздниками. В остальное время рабочий получал так называемые чекювые книжки, по которым он мог купить желаемое только из территории завода и доселе. Так хозяин охулял своих рабочих от вредных настроений Ницкего и создавал монополию на труд.

Завод «Красное Сормово» сегодняшнего дня полон трудовым напряжением и творческой инициативой. Рабочий подросток — равноправный хозяин цеха.

ФЗУ, охватывающее 3.000 рабочих подростков, ЦУМШ—200 чел., курсы повышения квалификации каждого цеха, куда входит вся ехская молодежь, БРИЗ— вот источники, откуда планово поступает свежая квалифицированная рабочая сила.

Окна открыты в цех.

Свежий воздух врывается в выветренное, вычищенное помещение, оплесканная машина



Группа старых активистов «комсомола Сормова: 1. Д. Вайваба, 2. Н. Юманди, 3. С. Ножуков, 4. Метлицкая, 6. А. Шохин, 6. С. Бурце; в. 7. М. Мошкова, 8. И. Матусов, 9. Андричев, 10. Велозюев

Восью час утра. В паровозотрестейном цехе — устроили фиксированный. Значительная часть молодых производственников имеет значки ГТО. Ударничество и консорвирование — вот меридо преданности героическим завоеваниям Октября, сознательного, любовного отношения к труду.

И поэтому немудрено, что выпущенный в начале 1931 г. 2.500-й сормовский паровоз был сделан руками почти одних молодых производственников. Этот паровоз отрядил к себе высококвалифицированного подростка Сормова и показал их в багнетостройной мощности советского локомотива.

Повышение квалификации подростков неразрывно связано с повышением его общего культурного уровня. После работы в уютном тихом жареном уголке цеха сходится молодые бригады, слушая лекции по теориям, лекции, изучению импортного оборудования, и точная рука председателя техгруппы цеха, председателя БРИЗ комсомольца Окуня выводит мелом по стенке рядом с чертежом детали, алгебраические формулы. Здесь же старый рабочий Шестанов, проработавший в паровозостроительном цехе пятьдесят лет, делится своим производственным опытом.

Такие вечера дали цеху трюк комсомольцев-мастеров. Бригадир ведет предвостановленный дневник, куда ударники вписывают замеченные неувязки в организации процесса производства, рационализаторские предложения по обработке или сборке той или иной детали. Эти потренированные тетрадки дневников экономии цеху за 2 года своего существования 30.000 рублей.

Сегодняшний мастер — внимательный, отзывчивый товарищ, перышко помощи в работе и учебе. Еще бы — эти мастера сами проходили школу ФЗУ, учились в старших товарищей «секретам» квалификации, стоя с ними бок о бок у проектного стола, строгального станка, на клепке котлов. Так в стенах завода растет новая советская техническая интеллигенция.

Подросток до восемнадцати лет работает шесть часов, имеет месячный отдых на курорте, на Моховых горах и точно знает, когда на него выйдет квалифицированный рабочий, когда мастер и когда техник. Перспектива его роста ясна, как перспектива развития самого цеха. И подростки помогают друг другу.

3. ОТ НЕГРАМОТНОГО МАСТЕРА ДО 60 ПРОЦ. РАБОЧЕЙ МОЛОДЕЖИ СО СРЕДНИМ ОБРАЗОВАНИЕМ

Рабочий подросток металлургического завода «Красное Сорново» идет к освоению культуры догмы, сложным путем, обусловленным холмом обвал революционной борьбы рабочих Сормова.



Грязь, теснотой, низенькими корпусами цехов встречала рабочего Сормовский завод в 1900 г.

Первая забастовка рабочих в 1889 г. произошла из-за отчисления местными властями с заработка рабочего одной копейки в пользу церковно-приходских школ.

Сормовские епископствительные власти, желая высузиться перед правительством и забить голову измученному двенадцатичасовым трудом подростку, тянули с его заработка средства на содержание церковно-приходских школ.

Первая забастовка рабочих Сормова была осмысленным протестом против внедрения власти в сознание их детей и младших братьев церковного яхонита и дурмана.

Тот ничтожный процент детей рабочих, который имел возможность посещать церковно-приходские школы, пичкался туманными картинными религиозного содержания и лживыми обещаниями. Учительский персонал состоял весь из церковников, и достаточно было только одному отставному семинаристу скептически отнестись к преподавательской программе, как его моментально удаляли из рабочего поселка.

Количество «счастливицев», скучавших на лязгах приходских школ, исчерывалось одной-двумя сотнями из общего пятидесятиного коллектива подростков завода. Остальные подростки были предоставлены самим себе и улице. Их образование замыкалось изучением похабных песен, чтением приключенческой пошлости и патристических лубков.

К 90-м годам рабочее движение Сормова стало мощным и всеобъемлющим.

На конспиративных квартирах читалась «Искра», прорывались революционные брошюры и прокламации, и под эти выливающиеся вперевороты стучались 1905 г. рабочей молодежью были организованы «красескрипки».

В гущу, далеко от завода и властей, рабочая молодежь упорно уславняла грамоту политик.

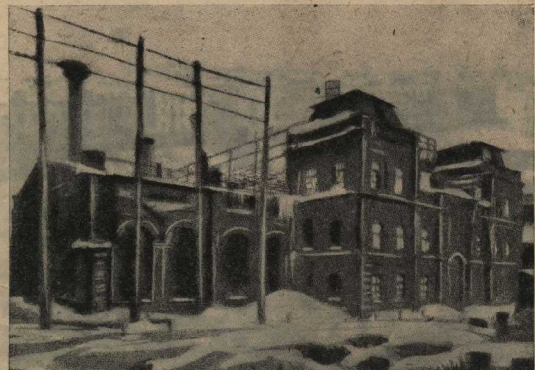
Лишь ко времени Февральской революции, когда правительство обессилело перед революционным напором, рабочие Сормова добились своего в школе. По их требованию были пообраны учителя и частично изменена программа. На эти школы отчислялась одна четверть их заработка.

Только Октябрьская революция принесла тысячам рабочих подростков Сормова свободный победительный доступ в новые советские учебные заведения, открытые в Сормове.

Производство быстро расширялось. Из деревень пришли в новые станки сотни неграмотных подростков. В период восстановления Сормовский завод начал насчитывать 10 тысяч подростков. В 1923 г. на территории завода открылась первая фабрично-заводская школа на 1.200 человек. Подростки от 16 до 18 лет, умеющие считать только по пальцам, здесь ликвидировали свою неграмотность, неразрывно с этим осваивали производство и получили среднее образование. К 1930 г. школ ФАУ и ШУМТ по Сормову было открыто три с общей численностью учеников в 3.000. Включая все квалификации, 4.500 комсомольцев Сормова имеют уже сейчас в основном среднее образование, а из общего десятилетнего коллектива молодежи 1.500 в вузах, втузах и техникумах заканчивают высшее образование.

Цехи завода «Красное Сорново» полизываются и неженскими, техниками и мастерами за счет подготовки местных кадров.

Каждый цех завода имеет группу анкет. Работой в группах руководят комсомольцы, непосредственно связанные с бригадами, из которых пришел неграмотный подросток, как бригадир или как рядовой производственник. Бригадиром была неграмотность за этот период 2.000 чел. Три пятиэтажных корпуса цехов остроены для общежития студентов. Сегодняшний сормовский студент — это не тот глав-

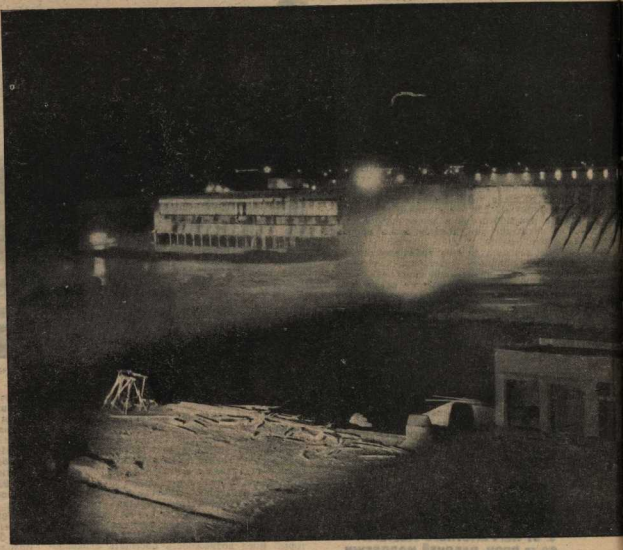


В поездах владов сормовской электростанции полковник Давыдов пытал арестовывать рабочих, выступавших в 1906 году с оружием в руках на Сормовских Сормова против царского правительства

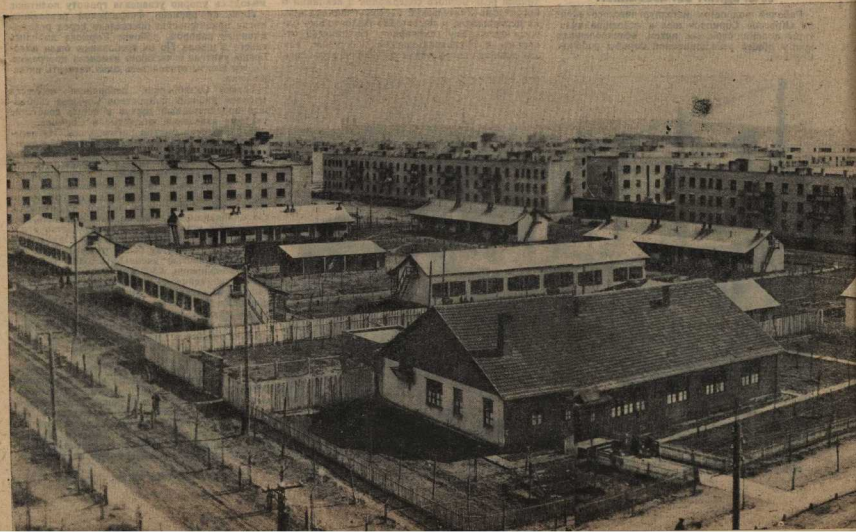
(Продолжение см. на стр. 15)

...И ПОЙДЕТ ПО ВСЕМУ ПРИДНЕПРОВЬ

10 октября 1932 года
в 11 часов сдана в эксплуата-
цию Днепровская
гидро - электростанция
имени В. И. Ленина



На снимках: сверху—Днепровская
сечером 10 октября 1932 г., справа—на-
чальник Днепровского строительства
т. Винтер, внизу—социалистический
город Днепровского колхозата



Ю НЕБЫВАЛАХ ЗАВОДОВ ПОСЕВ...



Днепрогэс пущен!

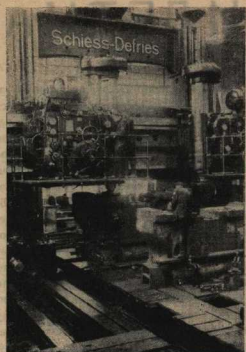
Гениальный ленинский план электрификации получил конкретное воплощение в гигантских сооружениях на Днепре. Детище первой пятилетки — Днепрогэс мчит по проводам высокого напряжения в 450 тыс. лошадиных сил самую дешевую в мире электроэнергию. Величайшая в мире плотина длиной 760 метров, высотой около 60 метров и объемом в 720 тыс. кубометров бетона прорезала могучий Днепр. Введена в эксплуатацию гидростанция первой очереди с пятью агрегатами по 90 тыс. лошадиных сил каждая. Сооружено 11 повысительных подстанций мощной системы, линия электропередач протяжением свыше 300 километров, впервые в СССР находящаяся под напряжением в 160 тысяч вольт, железнодорожные мосты через старый и новый Днепр. Закончен в строительной части трехкамерный шлюз с годовой пропускной способностью до 4 миллионов тонн. Развернуто строительство металлургического, алюминиевого и коксо-химического комбинатов, с рядом подготовленных и эксплуатации цехов. Днепрогэс — это воплощение генеральной линии партии, это лучший показатель ее успехов и ее последовательности..
Тон дан. Днепр работает на социализм.



Из раскроя треугольника

См. статью в журнале «Советский спорт» № 12, 1932 г.

Днепрогэс — это воплощение генеральной линии партии, это лучший показатель ее успехов и ее последовательности..



Новые мощные станции высятся в цехах сегодняшнего Сорнова

решили на шнек рабочего поверх матевого креста. Бляха передавалась от отца к сыну, из поколения в поколение.

Революция динула время стремительно вперед, и тяжелая металлическая бляха попала под музейное стекло.
Рядом со старым заводом в кубическом бетонном корпусов поднимается «Новое Сорново». Все традиции производственных навыков, весь бытовой уклад рабочих старого Сорнова разбиты о бетон и стекло корпусов, о бляски вымученных посейших дорог.

Все отжившее, одряхлевшее и шаткое истлегло по безветренным закоулкам окраины. 3.000 молодых специалистов всех квалификаций пришла в дощатый корпус и стали в строй соревнования.

«Новое Сорново» и «Старое Сорново» дружелюбно гонят друг друга навстречу.

Но рождение паровоза переводит дружбу на высшую ступень — и она становится соревнованием.

Каждый из двух заводов стремится вырваться вперед. И вот оба завода дружелюбно и миролюбиво рванули друг друга в борьбе за новые победы.

Дома для специалистов, общежития для рабочих, барак для сельвника, столовые, затопленные зеленым, фабрика-кухня, оборудованная врачешка — вот сверкающие ступени строго продуманного развития новой жизни, «Нового Сорнова».



Пневматическая илепна вытеснила ручную клевету дореволюционного Сорнова

БОРИС ЛЕБЕДЕВ

ПЛОТНИК

Матросу... стрелкою... человеку.

Под грохот и говор веселый
Чернеда обломком прошедшего века
Совсем одряхлевшая школа.
Стояла — для целой деревни упрямом..
Поблизости — школа не шлите.
Дрожали ребята зимой на уроках,
И мерз в конушшке учитель.
Но этой весной — штабеля зажелтели
Из бревен душистых и плотных,
И вместе с простенкой, хошевой артелью
Пришел удивительный плотник.
Курчавясь стружкой, как гребни прибор,
Рубанки шушукают громко..
Над крепкой, совсем еще свежей губою —
Усов серебрятая крошка.
Смоляные капли под лезвием стнуты..
Он рубит всех крепче и чище,
Саяной, пожелтевшей от никотины,
Скверная залость с топоричем.
— Сильней лихорадки нас ярость трепала..
Распирава бляза из коротык:
Мы кровью не пачкали вымытых палуз —
К чему, есан воды глубоки?..
У плотника — голос спокойный и ровный:
— .. мтеж к побережью прорвёсь.
Тяжелые, синезеленые волны
Стучали в борта бронеосна..

Н. СИДОРЕНКО

ЛЮБОВЬ

Любовь моя
Сегодня в третьей смене
Работает за фрезерным станком.
Простой рассвет войдет в окно
Весенним
Березовым хорошим холодоком.
Сквозная сынка
В форточку ударит.
Ускорит шаг большая шерстя..
«В густых ресницах
Два родных и карих,
Два близких глаза глянут на меня.
Сельмой разряд для токаря —
Добьчя,
Упорством взятая,
Попробуй овладеть
Стальными резцом,
Изогнутым по-птичьи,
Когда он атакует медь,
Когда он тонко
Забирает с края
И загнабает ленточку огня.
Через пролет
Улыбка, разгораясь,
Легко и просто смотрит на меня.
Легко и просто!
Старческой одышкой
Мы не болымы:
Ни я, ни ты, ни жизнь,
На каемх двадцать
Цилиндровых крышек
Вверх в цеху
Подрос социализм!..

Белсых домов громоздящейся груде
За черной каемкою мола
Несли в настороженных дулах орудий —
Борьбы освежающей холод..
Когда отшунтит боевая тревога,
А время — скитаньем наделит,
Сильней заргущишь о любимом и многом,
Но пуце — о плотничьем деле!
Достазось хлебнуть мне обыды и горю,
Горчей и волна не вывет, —
Под сумрачным небом Берингова моря,
Под солненным небом Гавайи..
Но разве ж за тем, чтоб добыть себе правд
Бесцельно шататься боязливой —
Я выше, ничней не боюсь распыра,
Грозить адмиралскому флагу?!
И тот, кто теперь
врут оплачивать платет
Развалил спиновичу кучу,
За голы гноуц неудач и скитаний
Совсем ничему не научен..
Но знаю — крепна еще прекия хватка,
Что в этих молах набухала..
На слом, так на слом —
все старье без остатка,
А с ним — и хлядую ружьяль..

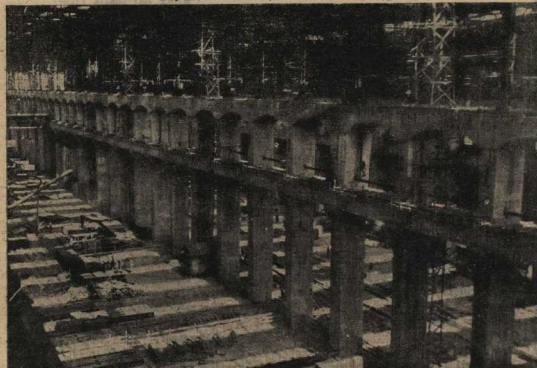
.. Любовь мой!
Ты положила силы,
Чтоб обещание было у ребят.
Бурчал в усы
Наш предзамова Нильч:
— Комсомолсты.. вечно надулят.
Чудной старик!
Вель не девочки ради
Сельмой разряд атакуми берем.
Вель мы живем, работаем
В бригаде
И лучше
Бригаде отдаем!
Пружинки техники,
Латинский профиль формуз,
Чертск станца,
Раскрытый на сталке,
Нам помогают добиваться нормы
И наивают мускулам в рубь.
И потому синет ярче полено
И звонче окседишна негла.
Что я с друзьями
До краев напоенен
Походной несней
Общего котла.
Сегодня цех
Шумит фруктовым салом,
Где зори ранние
Живут без всяких виз..
.. Любовь мой!
Ты помини, как в бригаде
Оджды в ночь
Подрос социализм?!

ЕСТЬ ПЕРВАЯ ПЯТИЛЕТКА!

Фото Соколов



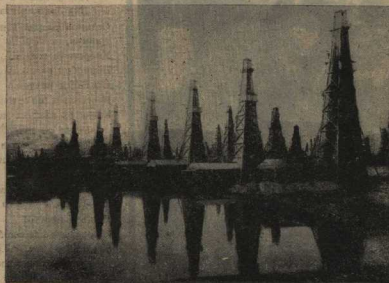
Первые в СССР два гиганта синтетического каучука в Ярославле (см. снимок в Воронеже) начали работать в этом году



Строящиеся цехи огромного завода турбостроения по своей величине превосходят самые большие цехи крупнейших заводов. Завод строит в Харькове — столице советской Украины



Первую сталь для маршевой печи Сталинского (бывш. Кузнецкого) завода

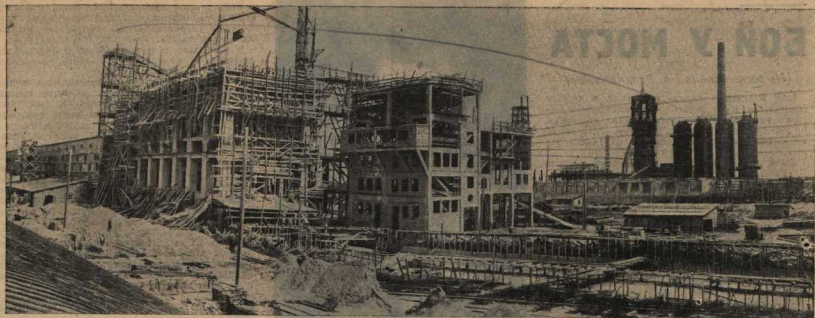


Посбуждено море бакинскими нефтяниками, которые по-рыли всю буху Ильича новыми суровыми

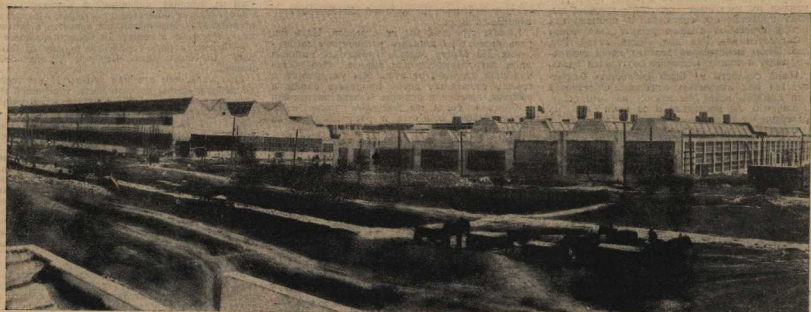
...Промышленность страны непрерывно и быстро растет, в стране создается прочнейший, на века, фундамент безграничного обогащения, но, кажется, наши враги знают и понимают революционное значение этого процесса глубже и лучше, чем знает и понимает это наша рабочая масса. А ей для того, чтобы глубже и шире осмыслить свой великий, героический труд и вылезти от некоторых болезней, основой которых служит социальная слепота, — ей необходимо знать все, что сделано, все, что нужно сделать и что уже начали делать. Нужно знать, с каким успехом везде и всюду идет работа возрождения ее страны силами рабочей энергии, — небывалая, чудовищная, фантастическая по размеру работа.

Нужно знать, для чего строится дорога на Югорский шар и для чего создается Всесоюзный институт изучения человеческого организма, нужно знать, что дают стране Волгострой, каптаж Волги и Забайкальская дорога, нужно знать, как из года в год земля наша все более щедро открывает перед рабочим классом бесчисленные свои сокровища: уголь, нефть, ценнейшие металлы и минералы; нужно знать, что дает Грузии, Армении, Азербайджану каптаж озера Гохчи; нужно знать, как обогащает страну рабочее изобретательство, как мощно, дерзновенно растет наша наука, какую роль в ее росте играют молодые выдвиженцы из рабочей массы, из крестьянства — рабочая масса страны советских социалистических республик должна знать все, что создается ее энергией. Это будет знание о себе, самознание, и это увеличит творческую энергию массы...

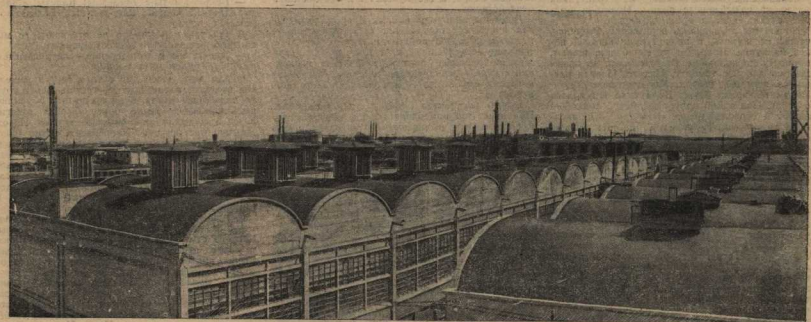
МАКСИМ ГОРЬКИИ



Новый Магнитострой рождается на берегу Днепра — металлургический завод Днепрокомбината; он будет питаться током уже работающей Днепрогэс. Ты видишь слева коксовый завод, справа — домну № 1.



Вслед за Сталинградским и Харьковским в этом году вступает в строй Челябинский тракторный завод. Ты видишь на снимке механосборочный и инструментальный цехи, которые начали работать еще в феврале.



К XV Октябрю построен электролитный цех — гигант алюминиевого завода Днепрокомбината

товарища красноармейца что-то горючил, видимо даже кричал, но был такой грохот, что когда я смотрел на кричащих, то видел только бездумно шевелящиеся губы.

Потом беснуясь восторженно дороги, ведущие в город. Это они отрезают возможность отступления с берега и возможные колонны подмени.

Идут в течение минуты все умоляет. Неожиданно наступившая тишина вынуждала. Мы выслушали головы внака. Нет, так! Вот, вот, вот, вот!

— Смотрите. Брива. Нет, так! Вот, вот, вот, вот!

Высоко с того берега вкатывались на самый верх моста какие-то чудовищные машины. Машины не шли. Машины медленно двигались, часто останавливаясь, как бы испугавшись прочности дороги. Вдур они разинули глотки. Вспыхнул огонь, еще и еще. Теперь за машинами видны люди. Двигаются. Двигаются.

Так как события разворачивались на мосту, а лека стрелять вперед по наступающей цепи было трудно, то мы поуприставили и стрелили с берега.

Внезапно увидел, как Саша Волынский размахивает саблей и левой рукой кому-то машет: «Вперед!»

Саша в белой куртке выдвинулся из зеленых просторов моста. С высоты моста он оглаждал город и дороги за городом, они были пустынями, и никто не слышал на помощь. Самые же слышали лишь выстрелы. Саша первый увидел смерть в белых броне ближе к ней.

Поля его белого френча вздувались ветром, и он был похож на гордый корабль, несущийся по волнам наветру буре. Он беспрерывно стрелял из пулемета, он был на мосту, как грозный вызов и угроза, он показывал, на что способен коммунист.

Саша в белой куртке с берега наверх, на мост. Андрей, опираясь спиной на груды досок, азартно стрелял. Многие сразу израсходовали последний запас патронов.

Самые же слышали лишь выстрелы.

Саша Волынский закричал, и его прощальные лучи освещали привывание у берега людей, груды разбросанных досок, группы людей, конвоируемых в них, и стройную фигуру и мост на зеленом мосту.

Саша Волынский был виден с обоих берегов и представлял прекрасную мишень для наступающих. Последние минуты обе стороны били в Сашу. Саша Волынский стрелял из ручного пулемета в сторону быстро продвигающихся броневиков. Он стоял, выткнувшись во весь рост, и как бы вырвался, сильный и прекрасный, к кому и куда издалека от земли предвещения, именно такви мы его запомнили, он был очень красив в этом последнем бою). Его действия на мосту не были припадком ярости, припадком храбрости, восторженным опьянением или мгновением остолбенения экстаза, за которым обычно следует долгий период упадка и апатии.

Потом я, взорвав завесу порохового дыма в собственной изловчатости, увидел, как Сашу точно изобрело, он зашатался и, бездлин, медленно, как звезда по небосводу. Последнее, что я четко запомнил — красноармейцы схватили винтовку за ствол, бегебно бьют его с досок. Нет патронов!

Вдур со стороны города понеслась огузвительные волны колыбельного звона. Что это? Кто-то неслышно предостерегает.

Помощь! Армия Дибенко!

Но мы сразу поняли: это не хоронит. Попа в полезна из колыбельки и встречает победителей.

Однако не каждому удается слышать собственное отгвение.

Тут и концы повести о бое у моста. Что-то ослепительно засеркало, грохнуло, точно в гулак задало мое сердце. Воздух отхлынул со страшной силой, и задыхавшись, мне показало, что мост разрушен, земля разрылась, а минуту мелькнули продолговатые, серо-сернистые облака, небозеление на солнце, свет сразу погас, я неслыно размахивая руками, куда-то стремительно пометелся. В такт сухих терзот солнце, что и по традиции и сейчас.

Уже долгие дни спустя я узнаю, что казаки, срубявшие мост, первыми достали приклады рашевых. Потом они бросились к «Грозному», но матросы повернули свои шатавы и мазеры в собственные груды, конвоиры счести с вагонов. Для кадров революция и контрреволюции гражданской войны в таких случаях такой конец был нередким. Казаки все же схватили несколько заперевших матросов. Затем они предумали забаву: поймавших

красноармейцев тащили на мост и оттуда бросали в воду.

Летела красноармейца с высоты... и песни дребенских ветров сопровождали их в последней полете.

Мне казалось, что кто-то громко кричнул, и открыл глаза и слыла же задал их. Страшная слабость. Потом опять раздался громовой удар. Нисходящий. Стрельба. С грудом поворачивались на кроватки, чуть приподнявшись и медленно отодвигая окружающее.

Здесь мне необходимо кратко остановиться на наиболее правильном предположении о своей судьбе. Надо считать, что казаки при обходе опустошенного берега не заметили меня или, заметив, сочли убитым, и что через некоторое время они ушли, выкарабкался из груд досок и поборел от берега вверх в город. Я это не помню, не помню и дальнейшего. У меня было какое-то сильное психическое потрясение, которое вытравило из памяти первые дни и события, следовавшие за саией гордо.

Но я потом встречал людей, которые видели меня бредущим по улицам, изувраченным, бледным, изувраченным безумством, с проносящему. На третий или четвертый день господства белых в городе меня привел к себе и привил в больницу милиционер—мой товарищ по ночным обходам города. Весь мой анамнез говорил о таком сильном физическом и душевном потрясении, когда окружающее перестает для тебя существовать. И он и его семья несколько дней обхотали меня, кормили, а потом отвели в еврейскую больницу.

Слусть неделю—другую, когда я вновь начал крепнуть, и смутно вспоминал отдельные эпизоды этих моих смутных дней.

Сосед и справа от меня около 20 коек. Мой сосед—казак. Я это сразу увидел по его громадным зубам и красным лапам на бровках, выхутому слоистых на синих кончат.

Лица у больных испуганные, все привстали и прислушались, почти с вральными проемежками гнуто руки спаряд, где-то очень близко, и стала просто дребезжать.

Вот подошли сиделка и поправил подушку больного казаку. Он стонет. Теперь я вижу его лицо. Беззвучно, с резко очерченными скулами, резко брови, глаза закрыты. Сиделка подходит ко мне, поправляет подушку и, поднимая меня, произносит шепотом:

«Наше уже близко!»

Пером происит лип сакал сладкого чен. Обход врача. Как полагается, больных нужно встать, выстукавать, заставлял «глубоко дышать», «всплывать», «вдох», «выдох», «не дышать». Большой казак жалется: «ему на ногах оперировали ногу и отрезали ступню!»

—Как же я буду теперь танцевать? Девай любить не будет. (Хвастливо). Какой я был танцор! Лучший в танцле!

— Доктор, доктор,—скунт казак,—не смогу и больше воевать, не смогу жить резать! Это еще один субъект, раненый осколком в голову—она у него была перевернута, перевернута, местами красной от крови,—все время пристрадал к большому фронту сверху, уверяя, что видел его на фронте!

— Ты лучше уходи отсюда!

Вот и все, что мне запомнилось из больших маиниальных впечатлений. Потом только и узнал, что еврейская больница в первые дни прихода белых служила убежищем для многих истерпевших кораблекрушение.

Я заснул рановременно, вялый. Иногда на минуту вспыхивало какое-то подобие удивления, дзем и здесь и как куда пошла. Кажалось, впадали или забыты окружающим мне совсем безразличны. Кровь стала жидкой, как свиная, и медленно ползла по жилам. Смутное ощущение, что весь мир обрушился, ты остался один и что кто-то толкает бледные плитки былой жизни. Видно, я был в такой обстановке, когда перестав чувствовать физические и в особенности моральные дела. Это—страшная жизнь, все времени и пространства, незрелая жизнь, точно замедленная злым полубоиком, как рассказывать сказки.

Через несколько дней, когда я, сидя на скамье, дремал на больничном дворе, случилась нечаянно, сразу покоевавшее мое состояние безразличия. Мне кто-то слыкнул, смотрю, протер глаза, потом, когда прирак заговорил, хотя и усталым, но все же обычным человеческим голосом, у меня уже не было сомнения. Леонтия женой. Здесь. Мне встать, у меня, я не один.

— Сиди спокойно. Саше оторвало ногу. О том, что ты здесь, я узнал у милиционера. Сашу поместили в железнодорожную больницу. Его охраняют днем и ночью. Мы его должны спасти, у меня есть план. Ты должен быстро поправиться. Спасение Саша шваню, он теперь главный в железнодорожной больнице, выслушай на ушину, все наши офицеры неслышли к белым. У меня нет денег. В городе страшной грабеж. Где бы мне найти ремком? Кто-то из них знает? Тебе надо отсюда убраться. Наше близко, бои у Сухачика. Надо спасти Сашу. Негде спать. Тебя здесь кормят, дай кусок хлеба!

Вот приблизительная передача его монолога. Выслушав от этой речи как будто сразу мое долго мучившую повязку с галл. Саша открылся свет, дали и живая жизнь.

Я быстро закончил за хвостом.

До прихода Леонтия у меня было состояние полнейшей апатии, безразличия, неморальной усталости и полной бесцельности отпослать дальнейшего. Я беспрестанно кануля и лежачим и в груди была гадюка боя, которую я все время ощущал. Жизнь мне казалась унылой, и при самой мягкой попытке продумать свое положение и будущее я ука-



Банкет у генерала Май-Мавеского в Харькове в 1919 г.

сажен и вновь впадал в состояние тупого безразличия относительно дальнейшего. Будь, что будет!

Появление Левитина стало для меня спасительной реакцией. Я почувствовал связь со своим прошлым. Я — политработник, председатель партийной организации скатеринославского крестьянского полка,— товарищ Меклер. Когда Левитин мне рассказывал о Саши, обо всем, у меня нарастало возбуждение, и страстно ждала ему помочь. Но сил пока у меня было с ноготок. Видно, простое появление желанных уже покирест эмигрантов. Десять копей Левитин ушел, и быстро ощутил всю горечь несвоевременной слабости и своего физического бессилия.

Через день Левитин мне рассказывал более спокойно:

— А вот как с Сашей дело было. На мосту он послал меня на подмогу к броневку. Я увидел, что его ранено, и бросился к нему. Ему раздробило ногу, кость торчала наружу сквозь шиньон. У его пояса в аэсониообразную болоньшу. Потом через окно увидел, что казаки вскопили на «Грошый», и я ушел в город. Первые два дня я ходил в болоньшу. Он усаживал мой голос в коридоре и написал мне записку. Потом ему отрезали ногу. Белье узнали, кто он, теперь его охраняют казаки. Стража—3 кубачки посменно днем и ночью дежурят у его постели. Мучают еду, религию, судены сына. Приходит туда дима, офицеры смотрят на пленного комсара. Приходит Славослав...

— А план такто. Достать автомобиль. Нам нужны еще 1—2 товарища. Достать оружие. Непросто на болоньшу. При неожиданном нападении уничтожить трех казаков, его охраняющих, вполне возможно. Потом нам надо прорваться через фронт, цели не указали, проложить путь. В городе его нельзя отыскать ни минуты. Да и негде...

Левитин ведалом потратил время. Он «начинал» ревком. Завтра он встретится с подполковником Антокобой? О, это не фантазия. И он рассказывает выразительную беседу с знакомым нам шерофер. Оружие? Ревком достанет. Нам необходимы 4 револьвера, 4 винтовки. Может, реком достанет и гранаты. Гранаты обязательно, и пузма от них меньше и пользы много. Людей? Неужели ревком не выдает...

Левитин страстно любит Сашу. Меньше всего в эти дни думал о себе. Он все сосредоточился на планах его спасения. Я слышал и не возражал ни против плана ни против деталей. Мне все казалось правильным и безусловно выполнимым. Решено было: завтра ты присылаешь на болоньшу.

О моей болезни мы больше не говорили. В планах похищения Саши я фигурировал чем-то вроде вооруженного штурмана, сдвигающего в задние и охраняющего тыл эскадрильи в те короткие минуты, когда они будут орудовать в здании. Так в охотничьих племенах



Вешали Сашу Вольского днем, в самой оживленной части города

беглыми, старикам, вообще вышедшим в тире, отводят второстепенные роли.

— На другой день жале Левитина в час, как было уславлено,—его нет. Вот уже два часа, три часа идет, меня из болоньши уже давно выписали, и в сидел у кровати в тревожном ожидании. Мне мерещились разные ужасы, и к страхе возможной поимки Левитина прибавилась эргнетическая боязнь остаться одному. Пришел врач, остановился, осторожно отступил к стене, равнодушно разговаривая, вынул часы, взял меня за руку и, чуявая запах с явным расчетом, чтобы было ясно, зачем он остановился, взволнованно сказал:

— Надо вам немедленно уйти. Белье обход болоньши, шутт вашка. Сегодня в восемь часов красноремейцев. Уже! Казаки могут к минуте на минуточку пригнать к х.н. Уходите.

Потом я увидел настоящих белях. На площади мимо болоньши проходили два офицера с двумя девушками. Они были оживлены и смеялись. Я смотрел на золотые потымо со звездами.

Но вот явился Левитин. Он сел около меня на скамью. Молчит.

— Ну, что?—Молчит. Сидит, каждая дышет по-разному, в сущности об одном. Потом он сразу отрубил.

Повесили Сашу. Очень просто. Вечер в 10 часов, его и еще двое,—он заваля фляги.

Вешали Сашу Вольского днем, из главного проспекта города, в самой оживленной его части, в гостинице «Астория». Промышленники, студенты, рабочие и городская знать, духовенство и грома,—ная толпа людей. Балконы, крыши, карнизы окон и выступы домов были усеяны людьми, сотни людей влезали на деревья, многие приносили с собой стулья, чтобы встать на них и лучше видеть убитого коммунистов.

Казаки привязали к толстым веткам деревьев веревки с петлями. Потом привезли трех плененных коммунистов. Один себя держал с исключительным мужеством и достоинством. Саши казаки помогали влезть на стул. Рядом ему развязали. Когда ему наживали петлю на шею, Саша изо всех сил ударил казака пальцами в лицо. Казаки вышибли табуретки, петли натянулись, славил горло.

Потом висели три трупа, один странный, без одной ноги.

Левитин был в толпе, слышал торжествующие напевы рев-толпы, гудящие раскаты сантиментальных барабанов и видел драку «привинегированных» из-за веревки, когда сняли трупа повешенных.

Мы потом горло жалели, что не могли оставить Саше последнее утешение, дать знать, что мы живы, что мы в городе и продолжаем бороться.

Через людей, знакомых с врачом, который, сиреновая Сашу, мы потом узнали подробности о его последних днях. От врача было требовали тщательного лечения комсара. Он болелся, в случае его смерти, злиться по-прежнему удовольствием—его повесить.

В последний день Сашу повесили начальники контрабанды.

— Ну, как вы, товарищ Вольский-Эпштейн (товарищ и пидеркетское состояние двух фамилий, Вольский и Эпштейн, видно должно было звучать устрашающе иронически и издевательски), как вы сейчас оцениваете междупаровое положение?

— Саша ответил:

— Я буду убит, по коммунизму победят во всем мире.

И это все, что мы знаем. Наши попытки узнать, где он похоронен, ни к чему не привели.

После смерти Саши, как и прежде, на нас не сердце оставал шум. Мы не плакали, не стояли, даже мало говорили о нем. Это была молчаливая скорбь.

Перед вечером на другой день после казни Саши Вольского мы встретились с представителями подпольного ревкома.

ЕВГ. ПАДИЧЕЧНО

СТИХИ О ПЕРВЫХ РЯДАХ

Обычный осенний
Над бухтой туман
Расцвет попутнейшей
На, городом тает,
И топт в тумане
Больше дома,
И повесть родится проста,
Я думал дней
Этот летнее не знал —
Чем зги —
В сплошных боях
в наступлении.
И в память козла,
Площадь кризна,
Акшии, ружьише
на колен.
Твой же туман
Да простор над волной,
Но сердце,
Молоде на десятилетие,
И в брочах матросских
спешит молодой,
В развалку
Илет на Приморскую ветер,
О, мать,
Ты торору меня родила:
И котормен
Встреча омолоток
Слаутю.

Мы летством
В большею военна дела,
Нас жизнь воспитала
На ушах аюто,
И мы в девятнадцатом,
Не зная покоя,
Сжимали винтовку
Горечей руком,
В октябрьских боях
Погубила отны,
Отны обоевлян,
И помню, впервые
Сверкнули вогонные
В дико каганцы,
И звывла
Назвинулись сторожевые.
Был чей-то из нас
На работу готов:
Страну разрывала
Десятки фронтов,
С отпави седлам
И с братьями рядом
Мы молодость кинули
В бой — по отрядам,
Заводы стояли,
Как яды, селам,
Застыя в ожидании,
Пусты и тосканы,
Дунила блокада,

Качалась сула —
Французские
Дула северу,
по залану,
На север
Мои отравлялись
друзья!
Ползла шпелоня
К румынской гранше!
Голодные бляны,
Да было неделя
И сытны,
И лало олетым —
пробьтась.
Мы «блби» блокула,
Очиствали Крым,
Мы север очинтали
и Урану,
Пришлось потрудились
Поголам моня,
Пришлось матерям,
Потерешили, худым,
Рыдал
Не по первому
пальшук сапу!
Широкая площадь,
Деревья отпал,
Могила
И в надписию памятник —
камень,
И тысячи сверстников,
Тела, лежат!
Завес брата завеса,
Оставший брат,

Отвод бпуслали
родными рукам!
И знамя прогрелное
Октября,
И вышла над бухтой,
И эта заря,
И ветер матросский,
И время работы!
Заволы в хаду:
И олимпий повет!
И новый правый
Черноморского фронта —
Идут на врага,
Что граничей засеа,
Чуждына с поколениям,
Донеслась к поколениям,
Мы детям своим
Пораскажем о вас,
которым
— К победим —
Приказывала Ленин,
И молодость моя
По фронтам
Чуждына в поколениям,
Чтоб крепка в работ,
В примерном бою
И дичую память
Погубишь готовя,
Страну защищать
Научившись своему,
Как вы,
О которых я песню пою,
Над братской могилкой
Следовая с любовью!

ДОКТОР ЯЗЫКА УМИРАЮЩЕГО КЛАССА

„Егор Булычев и другие“ М. Горького

Пьеса Алексея Максимовича Горького «Егор Булычев и другие» является крупнейшим событием в истории пролетарской драматургии и русского театра.

В своей пьесе великий пролетарский художник показывает нам жизнь богатой купеческой семьи накануне Февральской революции. Дом Егора Булычева похож на старый тяжелый застывший судак, в котором уже завесыкрысы, готовые перегрызть друг друга горло. За внешним спокойствием и благодушием точно размеренной жизни скрываются лицемерие, ханжество, неудержимая страсть к легкой наживе, завистливая погоня за рублем.

Супруги Зоицовы хотят в корыстных целях женить своего двоюродного брата Титина, мягкотелого, бездельного, деклассированного интеллигентского хлюпка, медсанского вдовца, на младшей дочери Булычева — Шуре.

Игуменья, настоятельница монастыря, Мельява, заручившись поддержкой Аксиньи, жены Булычева, и управляющего Мокеша, пытаются в случае смерти Булычева обеспечить себя наследством. Аксинья и Мокеш в свое очарование поддерживают хищника игуменью Мельяву, видя в этом наиболее удобный и легкий путь к овладению наследством Булычева.

Адвокат Зоицов — это либерализующий идеал, европеизированный спекулянт, модернизированный жук, осклабляющий бравадой от свержения монархии; Варвара, его жена, — восталолюбивая хищница; главная кучишка Аксинья, исконный вул призывающий Мокеша — все это декорации, подстилающие друг друга попоными тем, как бы искусные обложники Булычева, захватив его наследство.

Завшались основы старинного, богатого булычевского дома, затрещали дубовые стены его.

На пороге уже стояла Февральская революция и стучала в его двери. Она забаламутила стоячее болото булычевской жизни, разбудила обитателей его.

В капиталистическом Егоре Булычеве проснулось чужое, восставшее против самого себя и своей среды. Расшатанная февральской бурей обложка перед Булычевым трещины, которые дал капитализм, и ту плесень, которой покрылся его дом; обнажили звериную лику капитализма, природу его: обман и эксплуатация, на которых он покочен и при помощи которых душист и крошет человеческую личность, человеческую мысль.

Булычев — в предельной агонии. У постели больного все арсенал капиталистических слезюрье. Яблостное, стратное жидкое житье, надежда на вымолочивание толмача к знамям, юридам, шарлатанам. Но верь нет. Она потеряла как исцеления и перспектива, смысл жизни. Печень разгелена раком, внутри организма все гниет, разлагается. Болезнь неизлечима, смерть неминуема. Трупный запах разлагающегося капитализма все больше и больше охватывает и парализует всех членов капиталистического общества в том числе и его представителя — Булычева.

Художник показывает жизнь богатого купеческого булычевского дома на фоне разрывавшей драмы мировой войны 1914—1918 годов, в момент наибольшего обострения классовой борьбы в стране, когда социальные противоречия обнажились, когда почва начала ускользать из-под ног дворянско-помещичьего строя России, когда все религиозные и бытовые «стены» начали рушиться.

Целью автора пьесы не было раскрыть психологические переживания, физические страдания Егора Булычева, его семейную драму, разрешение вечной проблемы жизни и смерти. Художник стремился показать, философски обобщить человеческое отношение представителя определенной социальной прослойки к окружающей среде.

Горький показывает гибель русского капитализма, умирание целого общественного строя на примере судеб одной семьи. Это дало максимальную творческую возможность в высь исторической правды раскрыть в жизни героев булычевского дома весь процесс загнивания устоев русского капитализма, нарисовать картину смерти целого общественного строя в глубоко социальной драме одного человека, не лишая его индивидуальных черт.

В образе Егора Булычева дал русский капиталист, богатый купец, со всеми его типическими чертами, вышедший на дорогу к богатству из самых низов крестьянской нищеты. Отец его гонял плоты. Благодаря своему природному уму, воле, силе, хитрости, преодолению огромные лишения, этот сын батрака пробил себе путь из деревенской нищеты к богатству.

Но этот недавний кулак — теперешний капиталист, вышедший в самые низы крестьянского движения против помещичье-капиталистического строя жаждало найти «настоющую правду».

Где-то в тайниках души Булычева тлеет еще неостывший огонь, отзвук этой борьбы, желание найти эту правду. За внешним отрицательным обликом капиталиста скрыт умный, вострый, эмоциональный человек, по-настоящему любящий жизнь. Все изменилось, жизнь пошла по-иному. Весь мир, вся жизнь предстала перед ним по-новому. Он начинает сомневаться в своей правде, где «мое дело деньги грабить, наживать, а мужиков — работать». Он угадывает, что мир, в котором прожил тридцать лет, душист, человеческую мысль, что в нем пропитывают обман, ханжество. Он начинает осмысливать происходящие за его домом события. Он исследовал войной, в которую, по его мнению, зря ввязалась Россия, где «одни воюют, другие воруют». Святыни, перед которыми он преклонялся, на которых зиждется система его класса, предстали перед ним в «омерзительной действительности»: религия, прощания и будничная вера в бога потеряла, собственности, исполненная им, добита голами спекуляции, преступлений, жульничества и обмана. И наконец правящая верхушка по голосу с монархом — алчные тунеядцы, которые готовы ради своих выгод бросить в огненное море войны миллионы массы.

Булычев боится вылезть этому миру. В этом вызове звучит вопль капиталиста, чувствующего свою гибель и обреченность своего класса. Он ненавидит государственные механизмы, чувствуя неминуемость его гибели и приближение революции. Он не верит Зоицовым и Достигаевым, как и рабочим и крестьянам, стремящимся захватить власть в свои руки. Ни те ни другие не сумеют удержать власть, править народом.

Но веруя с этим он в глубине души чувствует, что в думах, действиях Лаптевых как-то привидеть есть, что она, возможно, восторгается. И эта боязнь, неудержимый страх ищущий Булычева.

На мрачном фоне старой и убогой России, среди галерей колоритных образов русского торгового капитала ярко выделяется пожи-



Заслуженный артист Шукин в роли Егора Булычева

тельный тип молодого революционера Лаптева. Этот образ художником намечается в первой части трагедии в очень скупых линиях. Но в них мы видим уже полнокровный, насыщенный рисунок большевика, который весь поглощен революционной работой. Лаптев не видно, но чувствуешь его огромное влияние на обитателей булычевского дома, ощущаешь его во всей пьесе.

И незаконнорожденная дочка Булычева — Шура — ненавидит этот мир, она хочет ему мстить. Она мечется в поисках правды. Ее манит звук февральской «Марсельезы», и быть может она примет к революции и станет в ряды революционеров, а может быть у нее нехватит сил, воли вырваться из этого ада, и она станет кочевой, проституткой.

В заключительной сцене второго акта, в беседе с трубочом Гаврилом, Булычев признает законность воровства.



Артистка Менсурова в роли Шуры

БАЛТИЕЦ

Нет, ты не мерть,
ты жив,
ты с нами —
С необычайной страной...
Слышь
зелеными глазами
За нарастающей волной.
И над
каналом просмоленным,
Лояя
Растущий
ветра воя,
Встал
в бризгах,
горьких и соленых,
Как вырезанный,
Профиль твоя,
Седых холмов столповерней!
Но яряи
«Аврора» острый ход...
Рухой,
поведшей
В наступлении —
Семнадцатый нам машет год!!
Штыком полбегаючи волни,
Струится,
плещется
среди них,
Морской стремительности полныи,
Твоя
Полосатый воротник.
Взлетевший громко
над стояней
Морозный ветер
У Аврора
Принят к торцу,
как злая птица,
Двойной бичевою
свннца.
Сивозь ветер,
изморозь
и пули
Сиюющий открылся путь,
Но на углу
Пустынныи уаиц
Вошла
сапая пуля в грудь...
Качнувшись,
Ты упал и замер,
Лишь руки выбросял вперед,
Саерля
Горчичи глазами
Глазки, прелательски замками
Замаскированных, ворот.
И осень
В клубях
бегой пыли,
Листу бульвара теребя,
К воей матроске
Привернула
Листок,
Как орден Октября.
Тебя,
любимца
строгий науца,
Сомкнувши бровя,
Как жена,
Опалака —
без слез и жалоб —
В шинель одетая страна.
И сетагдазые поаросты,
Два сына верные твоя,
Как зная, берегут
матроску
И орден твой —
Листок в кровь.

Булчаче заставляет Гавриила в аюсо силу: «Глуши, Гавриил!» Это же Гавриил-Архангел конец миру трубит, — истерически восклицает Булчачев.

И обожавшаяся на зов трубы домохозяйки воспринимает это как конец мира, как закат и гибель капитализма.

В крилах звука трубы прозвучал смертный приговор капиталистическому миру.

На долю коллектива артистов театра им. Вахтангова выпала почетная и вместе с тем чрезвычайно сложная задача: раскрыть социальную сущность горьковского пьеса, создать яркое, красочное зрелище, полное глубокого социального смысла.

И театр с присущей ему высокой театральной культурой, с исключительным мастерством разрешил ее. На сцене засеркали живые полнокровные образы, верные, грамотные, в которых каждая черта, каждая деталь вещественного оформления, каждый штрих скупых красок, костюмов подчеркивает характер образа, воспроизводит стиль купеческой Руси.

Горьковский простой и вместе с тем яркий, богатый, красочный бытовой размах дал возможность режиссуре и артистам развернуть во всю ширь свои творческие силы.

Пролог, введенный театром, сразу дает тонус спектаклю.

Роль Егора Булчачева в строго реалистических тонах, с исключительным мастерством ведет артист Шучин. Это блестящий актер, впервые созданный красочный плавильный образ подлинного большевика в «Барсуках», на этот раз лад незабываемую, яркую, насыщенную глубоким социальным смыслом фигуру русского капиталиста. Каждое движение, каждая реплика, интонация, манера речи глубоко продуманы. В покое, жесте, во всем переживании Булчачева артист с максимальной сценической оправданностью, виртуозностью исполнения выделает социальные черты Булчачева, донося до зрителя мельчайшие оттенки этого противоречивого образа.

Фигура Булчачева, которую с таким мастерством создал артист, воляет в историческую галерею образов русской и мировой драматургии.

В образе Шуры, которую с большим тактом, теплотой, сочно играет артистка Манусрова, театр пытался максимально раскрыть все характерные черты булчачевского поколения.

В резкости, порывистости характера, остроте, ненависти к окружающей среде проявляется внутренний облик Шуры.

В Шуру, задыхающуюся в этом смрадном, запотевшем от гниусности и мерзости мира, вышедшем социальна трагедия целого поколения, класса. И артистка, в мельчайшей детали этого сложного образа художественно вычленила ту или иную социальную черту характера, стараясь найти особую театральную форму наиболее яркой, образной выразительности ее.

В фигуре подлого спекулянта, мошенника, не бравадного пикариши, стремившаяся для своих хищнических планов, артист Русавинов патетически подчеркнул своеобразный стиль русского коммерсанта новой формации.

Колоритный насыщенный образ прислуги Булчачевых — Глафиры — лад артисткой Алексеевой. Глафира мило говорит, но больше действует. В скупых жестках мавжва образа чувствуется воля, ум, ирония. Она любит Булчачева страстно женщиной-самки, любит за то, что он на голову выше своей среды. Но всеи дупшой, всеми своими мыслями она на стороне Липатых. В ее замкнутости, сосредоточенности сквозит глубокая дума о жизни, большая любовь к ней.

Яркую, запоминающуюся фигуру русского купца нового склада дал артист Басов. В несколько скупых штрихах, в богатстве интонации он сумел дать законченный тип подлиннического спекулянта, либералствующего казачьего купца — носителя новых традиций русского торгового капитализма, который ожидает от буржуазной революции новых благ, новых барышей. В этом спекулянте, севшем убогой буржуазии, готовом сегодня примкнуть к мартовской демонстрации рабочих, а на завтра ее расстрелять, лад прообраз денщика, сегодняшнего Горгулова...



Артистка Алексеева в роли Глафиры

В мягкий рисунок колоритного образа няинного простачка, жалкого мужика, униженной личности, в потертую живую тонкую фигуру трубоча артист Кольцов вложил много теплоты, глубокий психологический смысл.

С большой выдумкой, огромным мастерством сделана театром сцена второго акта — беседа Булчачева с изумленной Мезаньей. В ухарском плясе кабаринской раскрывается широкая «буйная» русская натура костюмового купца. И рядом с этим, как бы противопоставляя, дается сцена молодого, танцующего танго, вальса, которая подчеркивает пропасть, отдающую Булчачева от окружающей его среды.

Не менее блестяще поставлена последняя картина третьего акта. Сцена разделена как бы пополам. В верхней части с развешиваемой от выкрик золотистым волосам, озаренная яркой полосой света стоит у распахнувшейся настежь двери дома Шуры, нублоная за мартовской демонстрацией, за рождением нового мира, в который она вероятнее всего поверит. А в это время в нижней части, погруженный во мрак, в мучках и судорогах корчится и угасает Булчачев — старый провинциальный мир. И звуки церковного пения, перелетаясь с «Марсельезой», распеваемой демонстрантами, создают символическую картину приращения, заката старого мира и рождения нового.

Театр им. Вахтангова постановкой пьесы «Егор Булчачев и другие» наиболее ярко выявил свое творческое лицо. Он показал, какие огромные творческие возможности заложены в этом молодом талантливом коллективе.

Театр показал, каких огромных художественных вершин, лучших образов драматургии, какой социальной глубины может он достичь. Он показал новые театральные формы, новые свежие линии и трактовки образов. Это навало яркое выражение в блестящей, мастерской работе режиссера Захарова — в конструкции, вещественном оформлении, музыкальной иллюстрации.

В пьесе «Егор Булчачев и другие» театр сумел избежать натурализма и формализма, стили которого просачивались в творческий метод театра. В интерпретации горьковского пьеса театр подошел над бытовизмом, к обычным поверхностным показам явлений. На сцене зазвучала пьеса, полная подлинного, здорового, социально насыщенного реализма.

Для театра эта пьеса, в которой с изумительным блеском сочелась глубокая идеяность с исключительным художественным мастерством, жанровым разнообразием, была тяжким творческим испытанием. Вахтанговские блестящие выдержали это творческий экзамен

ИСКАТЕЛИ ГОЛУБОГО КАМНЯ

(Из „Азиатской хроники“)

2. ТЕНИ КАРАВАН-САРАЯ

Ранним утром двадцатого октября Висковский выехал из Хорота с тем расчетом, чтобы через восемь дней попасть в Мургаб — к месту своего свидания с проводником.

«Что если какарге обманет?» — тронувшись в путь, вдруг подумал Висковский и пришла в сильное волнение от этой неожиданной мысли. «Может случиться, что старик, получив половину денег, скроется, и поездка моя в Мургаб совершенно лишне предпринята. Нет... нет... — успокаивала себя Николай, — если старик намерен мошенничать, он не успеет, так как захочет получить вторую половину. Для этого он должен быть в Мургабе, затем пойти со мной и... где-нибудь в глухом месте спихнуть меня в пропасть».

Медленно поднимаясь в гору, Висковский не переставал думать о проводеке и разнообразными способами, изобретая забавные предположения, он старался успокоиться, отогнать гнетущие мысли, однако тревога не унималась.

«Что стоит старку обмануть. Он ведь получил деньги!» Взмакнув камешек, Висковский беспрестанно подгонял коня и на-скаку пытался забыть. Чем больше он размышлял о будущем, тем мрачнее казались ему перспективы, и он уже издался над собой: «Довершись вышедшему из ума старуку... Вернуться ни с чем из Мургаба — лучшая для тебя награда, Николай, — борюта! он, размазывая слезкой.— Подождем. Представлю себе, как встретишь тебя благодарным Смирном».

В самый разгар горестных размышлений навстречу Висковскому попался знакомый пограничник Ткаченко.

— Куда, — удивился он, — кто в такую пору рвется ехать на Восток?

— Нашся один, — бойко ответил Висковский, — есть такой.

— Передая ему, — хмуро предупредил Ткаченко, — пока не поздно, пусть возвращается назад. Последние караваны из Оша давно пришли. Известно, что теперь нет пути.

— Он постарается лично проверить...

— Не успеет, — перебил Ткаченко, — на перепадах снежные бураны. Ледники на непроходимы... Кто этого не знает?

* Продолжение, см. «Смена» № 17—18.

— Да-а, — стараясь закончить разговор, неохотно ответил Николай, — но того парня никак не уговорить. Он упорный, дьявол...

— Нет, сумасшедший, — отрезал пограничник в трюнк коня, бросил: — Счастливый путь. Раз удачно всерьез, руби!

В одно мгновение пограничник скрылся из виду. Висковский остановился в раздумьи.

«Все, все, все исключена, отсарируют, — размышлял он, — однако и ринься и...»

— Руби, Николай! — вспомнил последние слова Ткаченко, крикнул и а доскака дальше.

Но всю дорогу путешественника теперь не покидало сумрачное беспокойство.

Его ни в коем случае не пугала опасность пути. Было достаточно времени, чтобы все обдумать и решить. Не то волновало Николая.

Он боялся иного, и оно случалось: сначала легкая дрожь покрывала, потом густым туманом приливной прощел по телу колоде.

— Вот оно, — скривнув губами, простонал Николай, чувствуя начавшийся приступ тропической малярии. — Повеваю.

Последние слова могли быть произнесены без irony, так как вперед затыкался огни, вскоре показавшись шишам, и Висковский, едва не падая с коня, добрался до гостеприимной кибитки.

Всю ночь неудачника леднила озноб, обжигали нестерпимые вспышки жара, но он, пробуждаясь, находил силы обдумывать свое положение. «Только бы доехать до Мургаба. Малярия? Но я знаю, что меня ожидает приступ и хорошо, что он произошел теперь. На Мургаб!»

Утром, ослабевший, но довольно бодрый, Висковский оседлал коня и вернулся попрощаться с приветливым хозяином Худо-Назаром.

— Нужно обождаст тебе, — сказал Худо-Назар, наблюдавший ночью лихорадку, — одному ехать нельзя.

— Оставь, — сердито бросил Николай, — я еду.

Худо-Назар пристально посмотрел на Висковского и, убедившись, что тот категорически намерен ехать, развел руками и, быстро подвигавшись, стал поперек двери.

— Конечно поедешь, — осторожно удерживая Висковского, сказал он, — но обожди, мон

сыновья тоже едут в Мургаб, отправится вместе.

— Я еду сейчас.

— И они готовы. Гой ягор! — крикнул лукавый старик, точно и в самом деле его сыновья селили дождев. Висковский понял, что старик дает ему проводника, но, не показав виду, он вышел на улицу и, вскочив на коня, умчался из кишлака. *

Спустя полчаса его нагнали сыновья Худо-Назара.

Тяжелая болезнь мучила Висковского вплоть до Мургаба, куда он прибыл совершенно обессиленным. Свалившись на постылку караван-сарая, он силится вспомнить, сколько времени продолжалась езда, но перед ним мелькали несъяснимые обрывки прошедших дней, он видел, что его свинили с коня, укладывали на почет, чествовали, сидели у ног оловья, пока не возвращалось сознание, и они ехали дальше. Слав Висковского содержателю дорожного пристанища, прожывающие, не задерживаясь, вернулись в кишлак. Болезнь утихла, и Николай лежал у стены, часами не приходя к себе. Временами он пробуждался, хотя подняться и обессиленный падал на циновку. В полукарме караван-сарая безостановочно, как тени, дингались люди. Они сидели в чаду готовящейся пиши, длинными слезузами они качались над скудными састильками. Черные тени шныряли вперед и вперед, и порой Николаю казалось, что все это он видит в бреду.

Караван-сарай походил на притон. Ночью хищники вылезали подоконниками и фенрами. Они, прислонившись к стенам, курили аншу и опиш, другие разворачивали свитки шестистящих шелков, продавали контрабандные чаши, выкалывали на пол бритвы, потайные фохри и оскитали земные руины. С приглушенной хриплой горгашеской страстью барышники меняли лошадей, тут же жарили мясо с тестом, готовя манто, и удивляющие запахи мешались с дымом опиш.

На рассвете сквозняк покрытому ранной кошмой дверь пробивался свет, в душном воздухе уляблись бледные неподвижные головы. Опикурьблики лежали уляблиющимися мертвечиной. Утром вставали курьблища алаши и брели к дверям, дергая ногами, и на пороге поднимали ноги, точно переступая через сваляное дерево. Чад огни, пиши и опиш душа Николая, он метался в бреду, не приходя в сознание. Один раз ему показалось, что он ясно видит склонившихся над ним лица, он слышит их, и они говорят про него. Говорит низкорослый, черноробкий, его лицо почучено-то знакомо Николаю. Черная борода спускается к самому лицу Николая, кто-то вытаскивает сумку из-под головы.

— Ош! — громким шопотом, поднимаясь, говорит черноробкий, — я узнал его. Это он, сын проклятого отца, приехал в Ишкани, и с ним ушла моя работница, аскормленные мной.

«Я был в Ишкани, — вспоминает Висковский, — Ишкани... дело малолетних батраков».

— Ош! — кричит, трясется черная борода, — проследите, что он везет.

Двое толстых людей тянут сумку, сыплотся бумажки, записки дневника.

— Кто может прочесть? — обращается черноробкий, комкая бумажки, и передает их невестному. И вот из темноты тонкий голос, медленно выводит слова. Висковский слышит свои записки, их, распевая, читают по-фарси:

— «Мне стало известным, на Востоке существует месторождение япис-лазури. С трудом достал справочные сведения о том, что представляет собой этот минерал. Лазурный камень япис-лазури, минерал из породы синдиката».

— Бросай, — приказал повелительный голос. — «Камень», — продолжал увлекшийся чтец: — имеет поразительный лазурно-голубой цвет и стекляно-кристальный блеск. Месторождения известны в известковых пластах турана, в Тибете, Умид. Старые месторождения искали.



...опекурьблишки лежали уляблиющимися мертвечиной...



...он поднял меня...

... В Бухаре джис-лазурь с давних времен употреблялась как драгоценный камень, в средние века шла на изображение небес в мозаике.

— Бред, бред, — стонал Висковский, разрывая под собой подстилку. Где я? Где провинция? В пути!

Жар, озноб, лихорадка. Николай перестал верить тому, что видит. Однажды ему почудилось, что пошел какарагет.

— Ты... наконец ты пришел, — протянул он руку, и в тот момент задержалась кошма и старик пропал.

Неизвестно, сколько дней и ночей болели черола Висковского, но как-то утром он поднялся, дополз до двери, глотнул свежего воздуха и почувствовал, что припадок кончился.

Кто-то прошел мимо двери, и Николаю опять показалось, что это какарагет. Боясь возобновления лихорадки, он вернулся на место. День он пролежал, зряка глаза, не давая впасть о своем выздоровлении, чтобы ночью уйти из караван-сарая. В Мургабе было много знакомых. Теперь нужно было выждать час. Вечером он спокойно взвзрнула и, не успев заснуть, вскочил от прикосновения жесткой руки.

Перед ним на коленях стоял какарагет. Он прижал рукой рот и помычал за собой.

— Принись, — сдерживая крик радости, схватила какарагет Висковский, — я верна, старик...

В РАЗВАЛИНАХ КИМИНЫ МЕРТВОЙ ГОРЫ

(Из записки путешественника Николая Висковского)

«... Страха смерти я не чувствую, но гибель грозит нам каждую секунду. В развалинах заброшенной пастушечьей хижины остановились мы, перевалив Мертвую гору. В хижине я один, какарагет за каменной оградой накрывает лошадью кошму, но вряд ли они вынесут этот ужасный буря».

В первый день, покинув Мургаб, мы поехали к селению Ак-Байтал. На ночевке вернулись с гор кочевники-киргизы, знакомые нас остались. Понятно, мы не послушали их и продолжали путь. На двести километров тянулась снежная пустыня, пока мы не подошли к подножию Мертвой горы. Вершина горы и летом покрыта льдом, теперь же и долина была замечена снегом. Я взошел на проводника, старик оставался спокоем, и мы начали подъем. В течение пяти дней мы не встречали ни каравана ни человека. Не проставали пшеница, и на сменявшемся снегу я напрасно искал звериные следы.

Мертвая гора. Тихина, облака ползут прямо на нас, и порой кажется, они залуцат, разлазят нас, эти синюшные чудища. Поднялась метель, в одно мгновение стало темно, и хотя я кричал, хоть я и знал, что какарагет едет рядом, но я не мог увидеть его во мле вьюги, и он не спасал меня. В темноте в снежной буре мы поднимались по невидимой тропе, и я, не выдержав, свалился с седла.

Страх смерти — я его не испытываю, не потому, что храбр, нет, просто мне стало лучше, когда я упал в снег, и стало как-то спокойней, легче, хотелось уснуть. В ту же минуту, проводник очутился рядом со мной, он поднял меня и повел, держа за кушак. На мою лошадь он накиннул аркан. Не знаю, как старик выдерживал испытание, я же часто падал, расклеванный морозный ветер обжигал лицо, душил, и я полз и опять коченел, оставался лежать на снегу, и каждый раз какарагет слыша поднимал меня и вел и вел вперед. Наконец и он упал на снег. Тогда мы ползли, как слепые, плечо к плечу, цепляясь палками за лед, переды карабкались кони, и снег из-под копыт летел нам в лицо.

Высота перевала 15.065 футов. Когда мы перевалили Мертвую гору и пошла на спуск, я сел

на коня. Старик набросил на меня одеяло. Что за нежность! Я конечно сбросил одеяло, но какарагет невозмутимо спустился вниз, проводя его и опять накрыл меня, не слушая моих протестов. Странный человек! И сейчас я не могу разгадать этого немного старика. В Мургабе он не дал мне познакомиться с друзьями и таинственно озираясь, ушел из селения. Он не говорит, но я понимаю каждое его движение и почему-то доверяю.

Мятеж не унимается, мы нашли старую хижину, и нас заносит снегом. Догорает свечка; не знаю, придется ли еще когда-либо писать дневник. От Мертвой горы в тридцати километрах на восток долина находится расположен, но нет пути, нет надежды выбраться отсюда. Пища кончается... Она, можно считать, кончилась, консервы смерзались. Старик вчера искал кругом помет для костра, вьюга чего, но не нашел. Догорает свечка; пища кончается, жарше здесь пахуки, вьюга, проспалили воду и от этого намерно завелись крысы. Крысы отошли и обгадели, они лезут на ноги и, когда мы лежим, гремят над головой старик. Ким в ближайше дни мы не выйдем отсюда, а значит погибнем, пусть передадут мои дневники в вамирский округ комсомола, там — все необходимые записки и план пути к месторождениям. Свечка гаснет...»

В темноте снежного бурана еще два дня прожил Висковский и какарагет в развалинах хижины. Баранье сало кончилось, свечка уга, и Николай не мог продолжать записки. Стояла в вьюге коня, пухляк мучительно додала, и лишь утром третьего дня стих ветер, прояснилось, появилась слабая надежда продолжать путь. И вдруг у входа хижины показались двое людей. Два изможденных человека стояли в димом свете утра, они дрожали от холода в изорванных халатах, и прежде чем войти в хижину они сняли с первой лошади вьючные тибетское седло и вынули вьюга. Висковский с проводником, вывадив своего присутствия, спрятались в углу, стоя и наблюдали. Один из пришедших вспорол вьюжное седло, выхватил солому, изрезал на куски и сложил горкой на земле. Второго его товарища спутались в седло, чинили, и старик срывая зазвеч коню. Куски деревянного седла никак не загорались, и двое незнакомцы, оставив тщетные попытки, легли на землю и сразу уснули.

— Странно, — пробормотал про себя Николай, — почему они не вошли сюда. Надо их позвать. Эй, — крикнул он, — идите сюда. Выходите.

Незнакомцы оставались лежать на снегу. Тогда Висковский вышел к ним и остановился пораженный. Уснувшие в снегу пришельцы лежали на спине, и Николай с ужасом смотрел на страшные, черные, обезображенные морозом лица. Но что ужаснее всего, ему эти лица показались знакомыми, но он не мог припомнить, где он их мог видеть.

— Вставайте, — возмущенно крикнул Николай и стал трясти черные люди, — слышите меня? Вставайте!

В ответ послышался хрип, один из спящих повернулся на бок, открыл тусклые безразличные глаза, точно ничего не влял перед собой.

— Что делать? — растерялся Висковский, оглушенный и усталый рядом с собой какарагетом. Старик поднял руку, в впервые Николай услышал его голос:

— Не трогай, — спокойно сказал какарагет, — их не спасешь, не тревожь! Они отбывают из жизни.

«И мы за ними — многозначно подумал Николай, продолжая смотреть на черные лица. И опять мне сделалось не по себе. «Где я их мог видеть? Где же я встретил этих людей?» Висковский закрыл глаза, слаб, слыша, и вдруг перед его взором проплыли тени.

В этот момент позади раздался еще слышимый голос какарагет:

— Они из караван-сарая.

(Окончание следует)